

Границы безумия

Автор:

Виктория Селман

Границы безумия

Виктория Селман

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах **Зиба Маккензи #1**

Зиба Маккензи – профайлер и консультант Скотланд-Ярда. Она составляет психологический портрет преступника. Для нее важны не отпечатки пальцев и ДНК на месте убийства, а личность, мотивы, проекции и психологические травмы из прошлого, толкнувшие человека на преступление.

Лондон, час пик. Пригородный поезд терпит крушение – и буквально разваливается на части. Ехавшая в нем Зиба пытается спасти свою соседку по вагону. Та, умирая, шепчет: «Это сделал он. Вы должны кому-нибудь рассказать».

...Вернувшийся в город серийный убийца ощущает прилив вдохновения. Он ждал этого момента 25 лет. Зиба начинает расследование, не подозревая, что в сценарии маньяка ей отведена особая роль...

Виктория Селман

Границы безумия

Victoria Selman

Blood for Blood

Copyright © 2019 by Victoria Selmán. This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Парахневич Е.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Поймешь жертву – поймешь убийцу

Посвящается Тиму, ветру в моих парусах

Люди никогда не вершат зло в такой полноте и с такой готовностью, как когда делают это из религиозных побуждений.

Блез Паскаль

Пролог

Мальчик ликом был подобен ангелу. Золотой ореол кудрей. Губы как у Боттичелли. И огромные невинные глаза. Картину портили лишь следы на шее. Темные пятна, оттенявшие белизну крыльев. Один только дьявол знал, что с ним было – и чего не было.

Глава 1

Это случилось в четверг, в самый разгар осени, в 17.27. Погода в тот день стояла ненастная, и я впервые за несколько недель выбралась из дома.

– К посадочной платформе номер один прибывает пригородный электропоезд, следующий до станции «Кингс-Кросс Сент-Панкрас». Просим в целях безопасности не заступать за желтую линию.

Я на всякий случай отошла подальше. Слишком уж манил к себе край платформы.

Люди толкались на перроне. Не успел поезд замедлить ход, как они гурьбой ринулись к дверям. В час пик сложно оставаться приличным человеком. Нам всем есть куда спешить.

Двери с шипением разошлись. Толпа хлынула внутрь.

Вагон набился до отказа, но я успела заприметить свободное местечко в заднем ряду, возле окна, и плюхнулась на сиденье прежде, чем меня опередили.

В груди было тесно, воздуха не хватало. Пришлось глубоко вдохнуть, следя за дыханием. Не помогло.

Зиба, не распускай сопли. Возьми себя в руки! Вечер и без того предстоит непростой.

– Осторожно, двери закрываются. Поезд следует до станции «Кингс-Кросс Сент-Панкрас».

В вагоне изрядно воняло – то ли горелым мусором, то ли гнилыми фруктами. Скривив нос, я огляделась, чтобы сориентироваться на месте и унять тревогу. Мой прежний психотерапевт называл это стратегией выживания.

Из прохода между рядами на меня глядел мужчина. С короткой стрижкой, рукава рубашки отутюжены до бритвенно-острых складок. Галстук завязан туго,

под самое горло. Мужчина явно был взволнован и даже взвинчен, судя по тому, как он дергал лицевыми мышцами и часто моргал.

Через несколько рядов сидел парень, весь в кистозных прыщах, с впалыми щеками и гнилыми зубами. Он нервно теребил руки и ковырял ногтями ранки на коже. Все симптомы – и физические, и поведенческие – указывали на метамфетаминовую зависимость. Перехватив мой взгляд, парень отвернулся.

Наркотики – не мой профиль, но я кое-чего набралась у Дункана, когда тот перешел в отдел нравов, или, как его сейчас называют, «эскадэ-девять». Наркоманы почти все как один судимые. И психологический портрет у них будто под копирку: паранойя, тяга к насилию, бессонница, галлюцинации... Хотя, если не слишком увлекаться наркотой, на первое время можно сохранить подобие здравого рассудка.

Напротив сидела дама лет шестидесяти с маленьким золотым крестиком на шее и браслетом из четок на запястье. Она читала последний выпуск «Метро», покусывая ноготь и качая вверх-вниз ногой. Нервничает, значит. Или, возможно, не рада новостям в газете. Я мельком взглянула на заголовки с обратной стороны листа.

Потом, сама не зная почему, присмотрелась к женщине внимательнее.

Распятие. Четки. Значит, католичка, свято верует в искупление и адские муки. Блузка застегнута под самое горло. Сумочка маленькая, без брендового клейма, с жесткими ручками и замком-кнопкой. Такие вещи выбирают люди, безразличные к статусу и не любящие выделяться в толпе. Одежда бежевых тонов – нейтральный цвет, выдающий стремление к одиночеству и изоляции. Я опустила взгляд на свой пиджак. Он был точно такого же цвета.

Итак, женщина норовит закрыться от окружающего мира. Видимо, когда-то ее предал близкий человек. С тех пор она предпочитает одиночество. А может, никогда не любила компанию.

Мы остановились на стрелке. Я привалилась боком к стене вагона и прижалась щекой к окну. За левым глазом свербело – начиналась мигрень. Стекло было холодным и немного унимало боль.

Снаружи все выглядело таким же серым, как и хмурое небо. Высокие стены, сплошь исписанные вульгарными граффити. Тоннели и стальные опоры мостов. Железнодорожные строения и паутина проводов. Все покрывал толстый слой сажи.

По соседнему пути загрохотал товарный поезд. Красно-желтый локомотив тащил десятка три гофрированных металлических контейнеров, разукрашенных надписями. Венчали вереницу восемь серебристых цистерн с логотипом «Шелл» на боку.

– Приносим извинения за задержку. Поезд отправляется.

Зевнув, я достала свой экземпляр «Метро», купленный на станции, и принялась листать газету.

Целых пять полос оказались посвящены годовщине со дня убийства Сэмюеля Кэтлина. Весь первый разворот занимали его школьные фотографии, которые четверть века назад не сходили с газетных страниц.

На одном из снимков Сэмюель держал рюкзак, облепленный наклейками с динозаврами, и махал родителям бейсболкой. Фотографию сделали на автобусной остановке в тот день, когда мальчик впервые отправился в школу один.

Ему было десять лет, и домой он больше не вернулся.

Родители умоляют поймать убийцу сына.

В этот день ровно двадцать пять лет назад десятилетний Сэмюель Кэтлин был похищен по дороге из школы и убит. Тело обнаружили позднее на берегу канала у Кэмден-Лок в северном Лондоне. Под головой у убитого лежала аккуратно свернутая куртка. Невзирая на все старания федеральной полиции и громкий общественный резонанс, виновного так и не поймали.

Вчера родители мальчика вновь обратились к жителям Лондона с просьбой помочь им в поисках убийцы.

«У Сэмюеля были светлые кудряшки, а улыбка такая, что от нее таяли сердца. Он мечтал, когда вырастет, управлять вертолетом. Любил шоколадное печенье, а еще блинчики – и вообще все сладкое. Без него наша жизнь никогда не станет прежней. Мы не успокоимся, пока не найдем того, кто это сделал», – заявила его мать Анна.

Отец Сэмюеля добавил, еле сдерживая слезы: «Наверняка есть люди, которым что-то известно. Просто они не придают этому значения, считают пустяком. Но нам важна каждая мелочь. Если вы что-то знаете, пожалуйста, сообщите полиции. Без вас нам не поймать убийцу Сэмюеля. Человек, который это совершил, давно должен получить по заслугам!»

По словам отца, семья так и не оправилась от потери – во многом потому, что виновного в смерти их сына до сих пор не предали суду.

Всех, кто располагает какой-либо информацией, просят сообщить в правоохранительные органы по телефону 0800555111.

Женщина, сидевшая напротив, зажмурилась и крепко вздохнула. Большим пальцем она постукивала по ручке сумки. Уголок рта у нее подрагивал, словно женщина еле сдерживала рыдания. Видимо, тоже читала статью про Сэмюеля Кэтлина.

– Значит, они его не поймали, – прошептала женщина так тихо, что, не умея я читать по губам, не разобрала бы ни слова.

В очередной раз вздохнув, она перекрестилась.

Я тоже вздохнула, разделяя ее чувства. Увы, если дело об убийстве ребенка не раскрыто по горячим следам, вряд ли в нем удастся поставить точку – уж это я знала по опыту. Возможно, обращение Кэтлинов возымеет какой-то эффект. Однако, учитывая, сколько прошло времени, шансов практически нет.

Я принялась шарить по вагону взглядом, потеряв к газете интерес. Все равно одну и ту же строчку перечитывала по несколько раз, не в силах уловить ее смысл. Прошлой ночью я все-таки заснула, но беспокойно; спала вполглаза, урывками, то и дело просыпаясь от кошмаров, поэтому утром было чувство,

будто я вовсе не сомкнула глаз.

Видимо, от бессонницы мучилась не я одна.

В проходе с сонным видом стоял парень. Манжеты у него были разрисованы фломастером, а на плече пиджака в тонкую полоску белело пятно. Значит, счастливый папаша, у которого двое маленьких детей. Постарше – скорее всего, девочка, потому что чернила розовые и с блестками. А младенец, судя по меловому цвету пятна, на искусственном вскармливании.

Девушка рядом с ним – блондинка в короткой юбке и с глубоким декольте – подкрашивала губы. Ей не удалось замазать под глазами тени, выдававшие недостаток сна; впрочем, судя по легкой улыбке и засосу на шее, ночь она провела вполне приятную.

А как насчет женщины, поглаживающей живот и рассеянно глядящей куда-то вдаль? Пусть она пока что не зевает, но, если я не ошибаюсь в предположениях, месяцев через девять ей придется позабыть про крепкий сон.

– Поезд прибывает на станцию «Кентиш-Таун». При выходе из вагона, пожалуйста, не забывайте личные вещи.

Женщина-католичка напротив свернула газету и спрятала ее в сумочку. Оглядевшись, встала и направилась к дверям.

Мы вынырнули из туннеля в пасмурный день, и я посмотрела на часы.

Семнадцать двадцать семь.

Было тепло; вагон, убаюкивая, мерно качался на рельсах. Я закрыла глаза, улеглась щекой на стекло и прижала к груди сумку, как поезд вдруг трянуло. Раздался душераздирающий визг и скрежет стали. Сработали тормоза.

Я распахнула глаза. Впереди поперек путей валялись три цистерны с логотипом «Шелл» и ярко-красной надписью на боку – «Огнеопасно».

Глава 2

Время замедлило ход. Эту секунду и следующую разделял лишь крохотный миг, но для меня он растянулся на целую вечность. Не более чем иллюзия, конечно. Просто эмоциональная область мозга в минуту опасности становится активнее.

Волосы встали дыбом. Все тело напряглось. Живот подобрался.

Вечерний час пик был в самом разгаре. Мы сидели взаперти в металлической коробке, куда набилась не одна сотня пассажиров. Мужчины, женщины, дети... Усталые люди читали газету и гадали, что бы приготовить на ужин. Школьники с тоской думали про домашку.

Беременная женщина напротив, приоткрыв рот, все так же гладила живот. Девушка, красившая губы, рассеянно водила кисточкой по пудренице. Молодой папаша устало глядел вдаль.

Я инстинктивно вскинула руки, прикрывая голову. Времени собраться или упасть на пол уже не было. Я не успею ни спрятаться под сиденьем, ни хотя бы криком предупредить пассажиров.

Мы ехали по меньшей мере сто километров в час. На такой скорости поезд, даже застопорив тормоза, остановиться вовремя уже не сумеет.

Раздался грохот, и мы снесли с путей поваленную цистерну.

На мгновение вагон взвился в воздух и тут же рухнул на землю.

Меня невидимой рукой вдавило в сиденье. Пассажиров напротив выдрало из кресел и швырнуло вперед, выворачивая им шеи; они закувыркались по проходу, головой снося встречные препятствия.

Через секунду раздался взрыв. Расцвел шар из огня. Хлопком разлетелись окна. Зазвенело стекло. Посыпались обломки.

Воздух стал густым от пыли и дыма. Пахнуло дизельным топливом, так сильно, что запершило во рту. От удара горючее растеклось и вспыхнуло.

Послышались крики, стоны, детский плач. Где-то вдалеке заиграл мобильный телефон. Звуки доносились глухо, будто сквозь пену, – уши заложило после взрыва. Контузия.

Во рту вмиг пересохло, со лба хлынул пот. Стало ужасно жарко, словно мы в печи.

В нескольких метрах сквозь облако черного дыма показался смутный силуэт – человек, охваченный пламенем.

Искореженный остов поезда повсюду лизали маленькие языки огня.

Запах дизельного топлива сменился тошнотворно-сладкой вонью паленой плоти. Рядом со мной закашляли.

Я тряслась всем телом – организм собрался перед лицом угрозы. Не простой угрозы – смертельной.

Глава 3

Меня учили многому – в том числе как вести себя при взрыве. Я знала, что надо делать ради спасения.

Рот я держала открытым, глотая воздух крошечными вдохами. Большинство людей думает, будто при взрыве погибают от огня или осколков. Это не так. Убивает избыточное давление от взрывной волны.

Когда нам страшно, мы невольно задерживаем дыхание, и тогда легкие лопаются от лишнего давления, точно воздушный шарик. При направленном взрыве ударная волна сминает их, раздирая буквально в клочья и вызывая внутреннее кровотечение. Лишь шесть процентов жертв погибает от огня и осколочных ранений. У остальных рвутся легкие.

Я провела рукой по лицу и торсу, оценивая травмы. На щеке глубокий порез, кое-где ушибы. К счастью, ребра целы, живот не болит, спина и грудь тоже. Ощущение забитой в уши ваты понемногу уходило, так что слух в порядке. Хотя глаза щипало от дыма, они были целы, и картинка перед ними не плыла. Я могла дышать, сама встала на ноги, но, когда сделала шаг, правая подкосилась. Я упала ничком прямо в груды обломков.

Выругавшись, с трудом встала. Кое-как, шатаясь, доковыляла до стены вагона и уперлась в нее ладонями, едва удерживая себя в вертикальном положении. Огляделась, пытаюсь понять, что к чему.

– Не вставайте. Дышите ртом! – крикнула я.

Голос сорвался, и я закашлялась, вдохнув полные легкие пыли.

В вагоне было душно и темно от дыма, который вдовьей вуалью облепил все предметы. Вначале я видела лишь смутные очертания. Люди силились выбраться со своих мест. Другие лежали на полу под горами обломков и битого стекла: их кресла в момент удара сорвало с креплений.

Потом дым стал вытекать в провалы разбитых окон и дверей, глаза понемногу привыкли к темноте, и я увидела больше. Папашу в костюме с месивом вместо лица. Какого-то сильно обгоревшего мужчину, распластанного под грудой металла. Неподвижную молодую женщину с широко распахнутыми пустыми глазами.

Середину вагона смяло, как фольгу. От нее осталась лишь воронка из железа, стекла и изувеченных тел. Мужей, отцов, дедов. Жен, матерей и бабушек. Сыновей и дочерей. Братьев и сестер. Людей, которые так спешили на поезд. И которые уже никогда не попадут домой.

Я выдохнула и снова огляделась, на сей раз осмысленно. С чего начать?

Повсюду кричали и звали на помощь.

Распластанный на полу мужчина бессильно плакал от боли. Его придавило тяжелыми обломками. Лицо почернело от крови и пыли. Посеченные стеклом

руки раздувались на глазах. Я хотела подойти к нему, но нас разделяла пропасть. Со своей непослушной ногой мне ее не преодолеть, а если и смогу, то уже не вернусь, чтобы помочь другим. Лучше остаться здесь и позаботиться о раненых, которые рядом.

Девушка, красившая губы, лежала неподалеку. Бледная, в разодранной одежде. Неподвижная.

Я прижалась щекой к ее носу проверить, дышит ли. Не дышит. А ведь совсем недавно улыбалась... Пригладив ей волосы, я прижала пальцы к сонной артерии. Хоть бы она была жива! Может, мне показалось, но под подушечками что-то дрогнуло. Чуть заметное биение. Признак того, что она не готова сдаться.

Я положила ладонь ей на середину груди, вторую сверху и надавила.

– Один, два, три...

Тридцать нажатий. Два спасительных вдоха. И еще раз, с самого начала.

Ну же!

Я вдохнула воздух ей в легкие. Рот у нее заполнился кровью.

Все кончено.

– Помогите... – раздался дрожащий женский голос.

Он звучал где-то рядом. Я вдруг почувствовала себя вконец разбитой. Даже пара шагов казалась подвигом.

Хромая, заковыляла в нужную сторону. При каждом движении ребра пронзало болью. Горло сводило. Глаза жгло огнем.

– Помогите, – снова всхлипнула женщина, когда я наконец добралась до нее.

Это была та самая беременная, которая перед крушением гладила живот. Волосы у нее теперь слиплись в кровавые сосульки. По джинсам и сиденью растекалось большое красно-черное пятно.

– Я ее потеряю, да?

В глазах у нее застыли слезы.

– Вам нужно наложить жгут, – выдохнула я, понимая, что говорит она отнюдь не про ногу.

На бедре зияла глубокая рана. Из нее торчал осколок металла. По пальцам, которыми женщина инстинктивно зажимала края, текла кровь. Я сняла с нее кардиган и обвязала вокруг ноги. Не самый годный вариант, конечно; Дункан за такую первую помощь надавал бы мне по шее, но все лучше, чем ничего. Может, хоть так бедняжка не истечет кровью...

– Как вас зовут? – спросила она, когда я затягивала узел.

– Зиба. Зиба Маккензи.

– А я Лиз Картрайд. Скажите моему мужу, что со мной случилось, хорошо? Скажете? Пожалуйста. Я вас прошу.

– Сами скажете, когда выберетесь. Вам ясно?

Она кивнула, и я затянула узел потуже.

– Вот. Прижмите здесь рукой и надавите, – велела я, оглядывая вагон в поисках других уцелевших.

Тогда-то я ее и увидела – католичку. Она лежала на полу. Я заковыляла к ней.

– Эй... – Я взяла ее за плечо. – Вы как?

Глупый вопрос. И так ведь понятно. Видимых травм у нее не было, но веки у женщины дрожали, на шее наливался огромный кровоподтек, а на бедре росла гигантская опухоль. Налицо повреждение внутренних органов. Я ничего не смогу для нее сделать.

Вздохнув, я невольно обвела вагон взглядом, высматривая тех, кому еще можно помочь. Однако у женщины были иные планы.

Она схватила меня за руку и крепко сжала пальцы. Лицо у нее побелело, глаза распахнулись. Правда, глядела она не на меня. Куда-то за спину.

Я могла бы вырваться, но тут она повернула голову. У нее были глаза Дункана. Такие же серо-зеленые, как горные озера. Поэтому я встала на колени и обхватила ее лицо ладонями.

Остаться с ней – против всяких правил. Вокруг много других пострадавших, которым моя помощь нужнее. Теперь без разницы. Я больше не служила в спецназе и не могла оставить эту женщину умирать в одиночестве.

Порой она содрогалась всем телом, словно сквозь нее пропускали разряд тока.

– Все хорошо, – повторяла я. – Я здесь.

Пусть она слышит мой голос. Не важно, что я говорю, главное – его звучание. Пусть знает, что не одна.

Женщина силилась что-то сказать.

– Он...

Она замолчала, дернулась и снова открыла рот. Зашептала совсем неразборчиво.

– Не понимаю, – отозвалась я, наклоняясь ближе. – Что вы хотите?

Она посмотрела прямо на меня, схватила за руку и глубоко вдохнула, словно перед нырком в воду.

– Это он сделал... Ты должна кому-то рассказать.

– Кто он? – не поняла я. – Что сделал?

– Прошу... – выдохнула она и затихла.

Женщина держалась до последнего, чтобы передать мне свою просьбу. Беда в том, что я совершенно не представляла, о чем речь.

Глава 4

Когда на место происшествия прибыли первые бригады спасателей в касках и жилетах, я расстегивала обгоревшую одежду на девочке-подростке, чтобы ткань не травмировала ожоги третьей степени. Кожа на руках у нее была восковой, красной, вся в волдырях.

– Нужна марля и холодные компрессы, – крикнула я, махнув над головой, чтобы привлечь внимание.

Снаружи железнодорожные рабочие выводили пассажиров по насыпи. Уцелевшие помогали друг другу перелезть через кресла и выбираться сквозь разбитые окна. Неподалеку от меня мужчина в посеревшем от пыли костюме колотил по дверям стальным шестом – кажется, поручнем, слетевшим при крушении.

– Если можете двигаться, идите сюда, – крикнул спасатель, светя фонариком.

Выжившие, спотыкаясь, поползли к нему сквозь искореженный вагон. Они хватались за стену, бессильно висели друг на друге.

Спасатель протянул руку, помогая им выбраться. Люди вываливались из окна и оторопело брели вдоль насыпи на ту сторону, где спасатели раздавали одеяла и кофе.

– Ты ведь меня не бросишь?! – в панике взвизгнула девочка.

– Не брошу. Успокойся. С тобой все будет хорошо.

– Неправда! – завопила пожилая женщина неподалеку, придавленная к креслу куском железа. – Мы все здесь умрем!

– Никто больше не умрет! – строго рявкнула я.

Вот только истерик нам не хватало.

– Выбирайтесь из поезда, – велел мне подоспевший спасатель. Он проверил, не забиты ли у девочки дыхательные пути, и кивком указал на мою ссадину. – Надо обработать и ваши раны тоже.

– Я обещала ее не бросать. Чем помочь?

Он пожал плечами и шепнул:

– Успокойте ее, что ли. Поговорите с ней.

Светская болтовня отнюдь не мой конек; никогда я не умела общаться с девочками-подростками, даже когда сама была им ровесницей.

– Ты какую музыку любишь? – спросила я.

Наверное, самая безопасная тема.

– Классику в основном... – Та скривилась от боли. – Обожаю фортепиано. В феврале у меня прослушивание в Джульярдской школе[1 - Джульярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. – Здесь и далее прим. пер.].

– Ты, наверное, очень талантливая...

Я отвернулась, чтобы по моему лицу девочка не поняла лишнего. Сама она еще ни о чем не догадывалась.

– Что дальше? – обратилась я к спасателю, когда девочку уложили на носилки.

У меня тряслись руки. Силы иссякли. Впрочем, боль в ноге стихла, и я могла на нее опираться, а значит, сумею принести пользу.

– Надо расчистить пути, чтобы вытащить раненых.

– Ясно.

Я принялась закатывать рукава.

Лишь позднее, выбравшись наружу и стоя возле искореженного поезда, над которым поднимался двадцатиметровый столб дыма, я осознала масштабы трагедии.

Как же так вышло? Как обычная поездка вдруг обернулась апокалиптическим кошмаром? Как банальное нежелание выходить из дома в один миг сменилось страхом, что я вот-вот превращусь в консервированный паштет?

По работе мне не раз доводилось видеть мешки для трупов. Сегодня было совсем по-другому. Здорово же меня встряхнуло... Когда вагон заволкло дымом, туман, в котором я пребывала последние несколько недель, развеялся. Помогая людям в поезде, я вспомнила о том, что у меня получалось лучше всего. Когда вспыхивает пожар, я не убегаю прочь. Я бросаюсь в самое пекло.

Оглядевшись, я поняла, что не одна такая. Пассажиры, прежде отпихивающие друг друга локтями, чтобы успеть на поезд, теперь спешили на выручку совершенно незнакомым людям.

В час пик сложно оставаться порядочным человеком, однако трагедия помогает раскрыться лучшим нашим качествам.

Позднее об этом будут много писать в газетах. Рассказывать о героях, отважно помогавших в беде. О мужчине, например, который, не замечая собственных

тяжелых ран, вытащил из-под обломков девушку. Или о том, кто выскочил из своего вагона лишь затем, чтобы забраться в соседний и помочь людям, оказавшимся в огненной ловушке.

В тот же момент я наблюдала проявление простого человеческого участия, о котором редко пишут в новостях. Вон мальчик в толстовке протягивает пожилой даме с рассеченным подбородком свою бутылку воды. Или женщина буквально тащит на себе по рельсам хромого мужчину.

Подобные картины заставляли думать, будто мир вокруг нас не так уж и плох, как кажется.

И все это время голову мне настойчиво сверлил вопрос: кто она такая, та католичка, и о чем она хотела мне сказать?

Глава 5

Я обхватила себя руками, спрятав ладони под мышками и поглубже запахнувшись в пиджак. От пота стыла спина. В воздухе веяло холодом. Пошел мелкий дождь.

Вдалеке слышался вой сирен, повсюду пиликали мобильные телефоны. О крушении уже стало известно. Жители города ринулись звонить друзьям и родственникам.

Сумку я потеряла в поезде, но телефон лежал в кармане. Я невольно набрала номер Дункана. В трубке прозвучал гудок.

– Набранный вами номер не обслуживается.

Руки затряслись. Телефон чуть не выскользнул из пальцев.

– Эй, девочка моя, ты как? – Ко мне подскочила пожилая чернокожая женщина с копной седых волос и рваной ссадиной под глазом.

Еще одна выжившая.

Отобрав телефон, она прижала меня к своей груди. От такого искреннего, человеческого участия перехватило горло.

Это глупо. Так же глупо, как и то, что я каждое утро в постели до сих пор тянусь к мужу, хотя он мертв дольше, чем мы прожили в браке. Всякий раз, когда пальцы натыкаются на холодные простыни, я вздрагиваю. Прошло столько времени, а я все еще жду, что он будет там, рядом со мной, – как ждала сейчас, что он ответит на звонок.

Его смерть превратила мою жизнь в выжженную пустыню; все, что мне осталось, – пыль и камни. Говорят, «лучше любить и потерять, чем никогда не знать любви». Полный бред. Каждую секунду я чувствовала в груди сосущую, глухую тоску.

Как забыть тебя, Дункан? Я предпочла бы вовсе тебя не знать, лишь бы не жить больше одной в этой бездне.

– Все хорошо. Я рядом, – сказала женщина, прижимая меня щекой к груди.

Она была очень теплой, заставляя вспомнить о прошлой жизни.

– Там, в школе, размещают пострадавших. Нас тоже ждут. Давай, милая, пойдем.

– Все хорошо. Я нормально.

Женщина развернула меня, взяла за руки и внимательно заглянула в лицо. Она была низкого роста и все равно возвышалась надо мной чуть ли не на целую голову. А еще смотрела очень строго, совсем как мой сержант, отвечавший за строевую подготовку, особенно когда заговорила:

– А по-моему, выглядишь ты неважно. У тебя очень глубокий порез на лице. Наверное, придется накладывать швы.

Столько шума из-за капельки крови! В пустыне мы на такие мелочи даже не обращали внимания. В крайнем случае, заливали суперклеем – он скрепляет

края ран не хуже ниток. В вещмешке всегда лежал тубик-другой. В полевых условиях надо довольствоваться тем, что есть.

Как-то раз один парень из нашего отряда получил пулю в бедро. Почему-то ни аптечки, ни перевязочного материала у него при себе не оказалось. Зато нашлась пара чистых носков. Я распаковала их, скрутила в тампон и запихнула в рану, а потом оторвала от формы рукав и закрепила повязку. Я не медик, но получилось не хуже.

Наверное, стоит рассказать об этом женщине, однако сил на разговоры уже не осталось, да и смысла, если честно, я не видела.

– Идите, – сказала я. – Я догоню. Только сперва позвоню.

Она ушла, а я снова взялась за телефон. На сей раз набрала номер Джека Вулфа.

Глава 6

На будильнике – семь часов семь минут седьмого октября. Идеальный момент. Семь, семь, семь. Три семерки.

Мужчина, называвший себя Рагуилом, бросил один лишь мимолетный взгляд на светящиеся цифры и сел в постели. Ноги свело судорогой от длительного пребывания в позе эмбриона – он всегда так спал. Ему хотелось посмотреть на часы еще раз, но он не отважился.

Через шестьдесят секунд цифры сменятся, и будет уже поздно. Семь ноль восемь – бессмысленно, даже мерзко. Семь ноль семь – другое дело. Эта минута – святая!

Рагуил отключил будильник, свесил ноги с кровати и нашарил тапочки. Мягкие и коричневые, с твердой пластиковой подошвой, не поролоновые желтые тряпочки, как прежде.

Он наклонился, дотягиваясь до пальцев ног, чтобы разогнать застоявшуюся кровь, и в голове зазвучали голоса.

– Скорей, – свистяще зашептали они ползучими гадами. – Скорей, спеши, скорей, а то ее упустиш-шь...

Он нараспев забормотал «Отче наш» и на цыпочках, бесшумно двинулся в ванную. Ни к чему вести себя тихо, но он все равно осторожничал. Давние привычки уже не искоренить.

Рагуил помочился, затем открыл кран. Вода была холодной, руки быстро покраснели. Хорошо бы ее слить, пусть немного согрется, да только времени нет. Надо управиться за десять минут, к семи семнадцати, а впереди еще столько дел!

Он подставил руки под воду. Досчитал до семи. Перевернул. Досчитал до семи. Снова перевернул. Досчитал до семи. И еще раз, и еще, пока обе стороны не были омыты водой по семь раз в течение семи секунд.

Важно все сделать правильно. Иначе будет плохо.

Рагуил вернулся в спальню. Он жил тут не первый день – и все равно воспринимал уединение как роскошь, как невиданную прежде радость.

– За все благодарите, ибо такова о вас воля Божия[2 - 1Фес. 5:18.], – произнес он вслух молитву, осеняя себя крестным знамением.

Голоса в голове одобрительно зашептали:

– Хорош-шо. Хорош-шо. С-славно.

Темная фигура в углу шевельнулась.

Семь одиннадцать. Тик-так. Надо спешить. Рагуил принялся застилать постель, разгладил верхнюю простыню и одеяло, поправил их, чтобы равномерно свисали со всех боков, подsunул лишнюю ткань под матрас. Семь тринадцать. Оставалось четыре минуты. Четыре и три в сумме дают семь. Все будет отлично.

– Ибо такова воля Божия! – договорил он торопливо, чтобы голоса хоть немного унялись.

Принявшись считать вслух, Рагуил снял полосатые пижамные штаны и сложил их на подушку. Затем стянул рубашку, аккуратно свернул ее и пристроил поверх штанов. Потом, по-прежнему ведя счет, надел трусы, белые носки, темно-синие брюки, рубашку и галстук, не берясь за следующий предмет одежды, пока не досчитает до сакрального числа.

Посмотрел в зеркало и улыбнулся, довольный своим отражением. Мало кто в наши дни носит галстук. Рагуил считал, что так выглядит умнее, и ему это нравилось. «Хорошие манеры красят мужчину», – всегда говорила мать. Достойный наряд вызывает уважение.

Он полил фикус на подоконнике семью порциями воды из зеленой лейки. Съел банан в семь осторожных укусов. Семь раз почистил зубы: нанес пасту, сплюнул, прополоскал; нанес пасту, сплюнул, прополоскал. И все это время не отрывал взгляда от часов.

Семь семнадцать. Он успел. День обещает быть замечательным!

Господь будет доволен, как в тот раз, когда Рагуил впервые откликнулся на Его зов и в сиянии красной луны получил новое имя.

Рагуил.

Он сидел тогда у воды и на длинных пальцах пианиста пересчитывал буквы, вспоминая шифр, которому давным-давно, когда он был маленьким, научила его мать. У каждой буквы в алфавите есть свой номер, говорила она. А – один, Б – два, и так далее.

В слове Рагуил получилось шестьдесят четыре. Никаких семерок!

«Быть того не может», – подумал он, царапая кожу. Больно, до крови.

Пришлось поломать голову, прежде чем он понял, в чем суть.

Шестьдесят четыре. Шесть и четыре. Шестью четыре – двадцать четыре. Двадцать четыре тысячи священников служили в храме царя Давида. А если вычесть единицу, Божье число, то получится шестьдесят три. Шестьдесят три разделить на семь будет девять. Христос умер в девятом часу и после воскрешения явился девять раз. Все хорошо. Цифры сошлись.

Семь и девять. Шестьдесят четыре. Святые числа, связанные вместе, чтобы породить имя, призванное его уберечь.

Вслед за этой мыслью пришла другая: невольная, непрошенная. О том, что случилось давным-давно. И о Кэти, которая его бросила.

Рагуил со стоном схватился за голову.

У него были таблетки, чтобы успокоиться, но от них тряслись руки и все плыло перед глазами. Вопреки советам врачей, он предпочитал заниматься самолечением.

Конечно, у него могут быть серьезные неприятности, если кто узнает о его пристрастии к наркотикам, но оно того стоит. Тем более день ожидается непростой, и лишние силы будут кстати.

Рагуил сунул в пакетик кончик ножа и вдохнул пудрообразные кристаллики.

«Вот видишь, – подумал он. – Тебе не нужна Кэти. Ты можешь сам о себе позаботиться».

А через секунду: «Да к черту эту Кэти!»

В следующую минуту он и вовсе выбросил ее из головы.

Тело охватила эйфория. «Забудь про Кэти. И про семью. Забудь про все, что хочется забыть». Он непобедим. Способен делать что угодно. Он – царь этого мира!

Часы запищали. Рагуил убрал пакетик обратно в шкаф и поспешил к выходу, задержавшись на секунду поправить вазу с фруктами, чтобы она стояла строго

посреди стола.

Потом он ушел.

Глава 7

Был уже вечер. Рагуил вернулся на станцию, теребя в кармане петлю из бечевки и покусывая нижнюю губу. Он видел своего ангела – та ждала поезд, в одной руке держа газету, а в другой – сумочку.

Она всегда ехала домой на этом поезде. И он – вместе с ней. Пусть он никогда не осмеливался подойти и заговорить, но было приятно сознавать, что они дышат одним воздухом.

– К первой посадочной платформе прибывает пригородный электропоезд, следующий до станции «Кингс-Кросс Сент-Панкрас». Просим в целях безопасности не заступать за желтую линию.

Толпа хлынула вперед, а Рагуил попятился, плотно обхватывая себя руками. Он не любил, когда его трогают, даже случайно и мимоходом.

В раздвижные двери он скользнул в самый последний момент. Переполненный поезд тронулся в путь.

Рагуил огляделся. Где же она? Неужто села в другой вагон? Почему ее нет?!

Сердце бешено застучало. Во рту пересохло. Сегодня он обязательно, во что бы то ни стало должен увидеть ее еще раз. Утро было давно. Этого мало.

– Что за глупос-сть, глупос-сть, – шептали голоса, эхом звеня в ушах.

По запястью поползли муравьи. Рагуил скинул их, до крови раздирая руку ногтями, – букашки по-прежнему копошились под кожей.

– Глупо-глупо-глупо, – бормотали голоса.

Они не унимались ни на секунду.

Рагуил зажмурился и зашептал под нос «Аве Мария», семь раз подряд. Господь всемогущий, пусть этого хватит!

Когда он открыл глаза, то увидел ее – она прикладывала что-то к губам. Обзор загоразживал язычник, весь в коже и с черепами на шее, однако она была там – его ангел.

Со времен их последнего разговора прошло немало лет, но Рагуил каждый день стремился ее увидеть. Шел за ней тенью на работу и обратно. Вечерами провожал домой. Сквозь окна наблюдал с улицы, как она поднимается по лестнице.

Осенью, как сейчас, следить было легче всего. Лампы зажигали рано, и в ярко освещенных комнатах все оказывалось видно как на ладони.

Они созданы друг для друга – он и она. Рагуил присматривал за ней, ему так было спокойнее.

Однако иногда ее не хватало – до того сильно, что выворачивало душу.

Рагуил знал, что она одобрила его поступок, но все равно жаждал с нею объясниться. Может, поэтому он ее и преследовал – потому что у них осталось незавершенное дело?

Горло скрутило спазмом, на шее застучал пульс.

Это желание – чтобы она поняла его – вызывало почти телесную муку. Всякий раз, когда он ее видел, перехватывало дыхание, а сердце колотилось пойманным в клетку львом. Порой приходилось кусать себя за язык, чтобы опомниться и не окликнуть ее в толпе.

– Ну-ну, – шептали голоса. – Не дождеш-шься. Ты не хорош-ш-ш.

Рагуил зажал пальцами уши и принялся напевать первое, что пришло на ум, но голоса распалялись все сильнее:

– Нес-си свой крест, – твердили они. – Это твоя кар-ра!

И они были правы. Такова цена, которую ему пришлось заплатить за нарушение Божьих заветов, дабы исполнить Его замысел. Рагуил вынужден теперь жить призраком, невидимкой для единственного человека, который когда-либо в жизни проявлял к нему участие.

Он никак не мог отвести от нее глаз. На мгновение она подняла голову, перехватила его взгляд и отвернулась.

По спине у Рагуила пополз паук.

Она что, видела его?! Узнала? Спустя столько лет? Невозможно... А вдруг все-таки?!

Перед глазами поплыло. Он взмок, качаясь на месте. Это что, случилось на самом деле? Она и впрямь на него посмотрела – или ему привиделось? Без таблеток его порой мучили галлюцинации.

Он заставил себя дышать ровнее. Сделал глубокий вдох. Досчитал до семи. Один слон. Два слона. Затем, выдохнув, принялся считать в обратном порядке. Семь слонов. Шесть слонов. Слоны – это важно, они не дают спешить.

Он снова вдохнул. На семь раз. И выдохнул. Тоже на семь. Когда машинист объявил, что поезд подъезжает к станции, стал считать быстрее. Если не успеет до остановки состава, придется все начинать сначала.

Пальцем он семь раз постучал по штанине. Семь раз облизнул губы. Семь раз моргнул. Семьсот семьдесят семь. Защита от шестисот шестидесяти шести, числа дьявола.

С тех пор как зло завладело им, он зашел слишком далеко...

Эта мысль повлекла за собой и другие, полностью захватившие его сознание и заполонившие голову куда более тошнотворно-красочными образами, чем любая галлюцинация.

Рагуил закрыл лицо руками. В ушах колотило сердце. Он затрясся всем телом.

Вагон вдруг накренился. Раздался громкий скрежет – поезд с оглушительным хлопком налетел на какое-то препятствие.

Стальные стены взорвались и вспыхнули пламенем.

Глава 8

Сперва все вокруг было черным. Когда Рагуил очнулся, он лежал на полу вагона в позе креста – с вытянутыми ногами и раскинув руки.

Позднее он воспримет это как знак. Пока же радовался, что живой, хотя поначалу, толком не придя в себя, решил, будто умер. Яркая вспышка и тьма вполне могли быть преддверием пути в загробную жизнь.

Повсюду пылало пламя. Стоял невыносимый жар. Кричали люди, взывая о помощи. Может, это и есть ад? Огненные провалы, терзаемые души... Совсем как в Библии.

Но нет, Создатель никогда не отправит его в преисподнюю. Рагуил – слуга Господень, ему уготовано место рядом с Ним в райских кущах. Он выполнил свою работу, отозвался на зов, Господь ни за что не отдаст его на растерзание Сатане.

Рагуил хотел открыть глаза. Ресницы слиплись. Он бездумно вытер их кончиками длинных белых пальцев. Зря. Руки покрылись пеплом, глаза тут же начало жечь. Он заморгал, разгоняя грязь и боль, и, не вставая, огляделся.

Было темно и густо от дыма. Прикрыв нос рукавом рубашки, Рагуил прищурился, всматриваясь во мрак. Сначала разглядел лишь смутные силуэты: одни были

неподвижны, другие шевелились. Глаза понемногу привыкали к темноте. Дым рассеивался.

Он привстал, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Где его ангел, где она? Вдруг она ранена?

Рагуил ринулся ее искать. Обезумев от тревоги, забыв про отвращение, он расталкивал всех, кто попадался на пути. Он должен найти ее! Должен удостовериться, что она цела.

В дыму все стали безликими; вагон превратился в груды искореженных развалин. Повсюду были люди. Люди, камни, металл и битое стекло. Как найти ее в этом хаосе?

Рагуил упал на колени, чтобы взмолиться Господу, но тут, под новым углом, наконец разглядел своего ангела. Она лежала на полу, и над ней кто-то склонился.

Рагуил подполз, прячась за обломками. Какая удача! Он уже много лет не смел подобраться к ней так близко. А теперь – протяни руку и дотронешься... От этой мысли его пробрала дрожь.

Женщина, которая помогала ангелу, встала и ушла. А она, его ангел, продолжала лежать. Глаза у нее были закрыты.

Прежнее волнение сменилось страхом. Рагуил набрался храбрости и подполз ближе.

Три, два, один, глубокий вдох. Он наклонился и прижал средний и указательный палец к горлу своего ангела. Пульса не было. Кожа еще не остыла, но он повидал немало смертей, чтобы узнать ее облик.

Раздался пронзительный визг. Словно струна лопнула на скрипке. Вой лисы в ночи и гулящего кота. Звук рвался из груди Рагуила, хоть тот и не сознавал, что кричит.

Его вырвало. Рот затопило желчью. Рагуила затрясло.

Он положил голову на грудь своему ангелу – все еще теплую. Вцепился в нее, зарываясь пальцами в плоть, сам не веря, что она настоящая.

После стольких лет ожидания, после стольких лет наблюдения он наконец обнял своего ангела, но удержать уже не сумеет. Он жаждал примирения – но этому не бывать. Его обманули, его бросили.

Он взвыл, хватая ртом воздух. От горьких мучительных рыданий все внутри разрывалось на части.

Его ангела больше нет. Теперь он один.

Их время истекло. Пальцы сомкнулись на обломке металла. Рагуил сжал его сильнее. Острые края, протыкая кожу, впились в ладонь. Рагуил этого не чувствовал. Он чувствовал лишь одно – острую, невыносимую боль утраты.

Глава 9

– Идите сюда! – закричал мужчина снаружи, светя внутрь вагона фонариком.

Рагуил его почти не слышал; слова доносились сквозь пелену. Мыслями он витал далеко отсюда.

Мужчина просунул в окно руку, взмахом показывая направление. Люди зашевелились, поползли к нему. Красное море расступилось.

Рагуил оцепенело побрел со всеми, держась в стороне, чтобы ненароком никого не задеть. Мужчина протянул ему руку, помогая выбраться из вагона. Рагуил вздрогнул.

– Я сам, – сказал он, отводя взгляд.

Зрительный контакт тоже давался ему с трудом.

Он ухватился за борт, собираясь прыгнуть на рельсы. Семь раз постучал большим пальцем по оконной раме, занес одну ногу. И вдруг замер.

По насыпи шагали несколько человек в ярко-оранжевых жилетах и белых касках. Рагуил пересчитал их. Шестеро. Не семеро. Может, не стоит торопиться?

Дыхание участилось. Сердце затрепетало. Он закусил изжеванную нижнюю губу. Однако тут же опомнился и с облегчением выдохнул. Воздух с дрожью вырвался из легких. Шелестом – как гремучая змея по траве.

Все хорошо. Мужчина с фонариком тоже ведь спасатель. С ним их будет семеро. Значит, спускаться можно.

Снаружи воняло дымом, но не так сильно, как в вагоне, полном смога. Рагуил хотел вздохнуть, но черная тварь схватила его за горло.

– Ты потерял ее, – зашипели голоса. – Потерял! Ты теперь один. И никто тебя не с-с-спас-сет...

Рагуила затрясло. Горло стиснуло еще сильнее.

– Эй, парень, ты как?

Рядом появился мужчина и положил руку ему на плечо.

От непрошеного касания к горлу подкатила желчь.

– Да тебя трясет! – воскликнул мужчина и наклонился так близко, что его дыхание обожгло щеку. – Ну-ка посмотри на меня. Ты цел?

Легкие у Рагуила, казалось, вот-вот лопнут. Сердце ходило ходуном. Хотя он давным-давно потерял обоняние, в ноздри шибанула вонь сигарет и одеколona.

Голоса вопили все громче, норовя перекричать друг друга. В диком эхе свиста и ругательств они обвиняли его, подстрекали. словно сто человек заговорили разом. Голоса, которые он слышал каждый день. Голоса, из-за которых хотелось биться головой о стену и драть на себе волосы.

– Вот тупица! Идиот! Ха! Ха! Ха! Давай, давай, с-сделай это. Не с-смей! Ха-ха! Нет, ты только пос-с-смотри на с-себя! Никчемный! Тупица! Дебил!

Рагуил зажал уши руками и стал напевать, но заглушить их все равно не удавалось.

Люди выползали из стен, распахивая рты все шире и шире, пока от лиц не остались лишь раззявленные зубастые пасти с длинными языками. Земля заколыхалась от червей.

Рагуила трясло так сильно, что нечем было дышать. Голова раскалывалась, тело ломало, будто его затягивало в мясорубку. Он стоял не возле изувеченных остатков поезда. Он снова оказался там, в прежней западне. Напуганный. Слабый. Беспомощный.

Давление в груди нарастало. Он не чувствовал больше своего тела. Не понимал, что вокруг.

Рагуил бросился бежать, спотыкаясь о рельсы и камни, словно нарочно кидавшиеся под ноги.

Запнулся, упал на землю. Оглянулся через плечо. Сердце колотило в ушах, легкие горели, а голоса по-прежнему вопили на все лады:

– Тупица! Да, да, ты такой! Ну прос-сто идиот!

Дьявол позади набирал силу. Он рассыпался на сотню одинаковых злобных тварей.

Пассажиры, выбиравшиеся из поезда, спасатели, полицейские в желтых жилетах – все они теперь имели один лик. Лик Дьявола. Лицо из далекого прошлого.

Словно по команде, демоны обернулись к Рагуилу и раззявили рты, вываливая языки. По подбородкам потекли слюни.

– Смотри на меня! – хором, в один голос, велели они. – Смотри!

Рагуил сложил руки, кончики пальцев прижимая ко лбу.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое... – зашептал он, повторяя молитву снова и снова, не смея поднять глаз, пока не произнесет ее семь раз.

Голоса понемногу утихли. Остался лишь один, самый звучный и глубокий:

– Не сдавайся дьяволу! Изгоняй грешников с лица земли. Настало время облачиться в доспехи. Я – Сам Господь!

Глава 10

– Вот, бери.

Джек протянул мне чашку кофе. Черного и очень крепкого.

Чашка – белая с облупившейся надписью на боку: «Мы делаем больно плохим парням». Давний подарок Дункана.

– Уж прости, девиз полка специальной разведки я не нашел, – объявил он тогда. – Пришлось выбирать самое похожее из того, что было.

– Ты почти угадал, – со смешком ответила я.

О работе спецразведки редко сообщали в новостях. Поэтому люди не очень хорошо представляли, чем именно мы занимаемся. И, наверное, это к лучшему.

Я, скривив губы, глотнула густой, убойно сладкий напиток. «Чтобы встряхнуться», – пояснил Джек.

Поджав ноги на диване, я откинулась на спинку и прижала горячую кружку ко лбу. Мигрень никак не унималась, хотя немного отступила от теплого компресса.

Фоном бормотало радио:

«Сотни людей получили ранения, более десяти человек погибли при крушении на железной дороге близ станции «Кентиш-Таун» на севере Лондона. Пригородный поезд, следующий в сторону «Кингс-Кросс», столкнулся с грузовым составом, перевозившим дизельное топливо и мазут. На месте катастрофы находится наш корреспондент Боб Мартин».

Голос диктора сменился другим – полным пафоса и драматизма.

«Мертвые тела, смятые разорванные вагоны, разбросанные повсюду обломки – вот что открывается нашим глазам. Спасатели работают даже ночью, в свете прожекторов, пытаясь среди руин найти уцелевших. К катастрофе привела цепочка трагических случайностей. Товарный состав по не известной пока причине сошел с рельсов и перекрыл соседние пути, по которым следовал попутный пассажирский поезд. Даже сейчас, через несколько часов после аварии, спасатели извлекают из-под завалов тела погибших, а машины «Скорой помощи» забирают раненых. Многие находятся в критическом состоянии. Их везут во все близлежащие больницы. Около двадцати пассажиров до сих пор заблокированы в первом вагоне, наиболее пострадавшем при столкновении. Официально подтверждена гибель двенадцати человек. Судя по характеру разрушений, пассажирский поезд двигался со скоростью около ста десяти километров в час, максимально возможной для этого отрезка пути».

В эфир снова включился ведущий:

«Открыта горячая линия. Получить информацию о судьбе родственников или знакомых можно по телефону ноль два ноль семь пять четыре шесть шесть семь семь восемь. Повторяю: ноль два ноль семь пять четыре шесть шесть семь семь восемь. Следующий выпуск новостей – в десять утра».

«Вей!» – сказал бы мой отец в типично еврейской манере, невзирая на свои ближневосточные корни. Мать терпеть не могла этот «гортанный язык». Она воспринимала еврейско-персидское происхождение мужа как приятную экзотику, однако не любила без лишней надобности вспоминать о его дальних европейских предках.

– Ты когда так говоришь, словно дворняжка гавкает, Ария, – сказала она как-то раз, заглядывая к нему в кабинет, где мы сидели вдвоем; он в старом кожаном кресле курил папиросы, а я на полу заплетала косички из бахромы потертого восточного ковра.

– А я, значит, тоже дворняжка, папа? – спросила я, забираясь к нему на колени. Уже тогда я понимала, что не такая, как все. – Я ведь наполовину англичанка, наполовину персиянка, наполовину еврейка и наполовину протестантка.

С математикой у меня всегда была беда.

– Неправда, Зибакам. Ты не дворняжка, ты фереште. Это значит «ангел». – Отец поцеловал меня в макушку. – Так что насчет стихов? Читаем «Гулистан»[3 - «Гулистан», «Розовый сад» – поэма персидского поэта Саади Ширазского, написанная в 1258 г. на фарси, в которой раскрываются различные аспекты житейской мудрости.] дальше?

– О да!

Он рассмеялся и снова поцеловал меня.

Сейчас с языка гораздо чаще срывались не еврейские словечки отца, а ругательства, которых я нахваталась за годы службы в спецразведке. Нынешнюю ситуацию, например, очень метко описывало одно слово: «дерьмище».

«Ну, и стоило оно того – в кои-то веки выходить из дома только потому, что сегодня день рождения Дункана?» – подумала я, делая очередной глоток из чашки и морщась. От приторной сладости сводило зубы.

Поднять наконец задницу с дивана – отнюдь не храбрый поступок. Скорее даже, наоборот, откровенно тупой. Лучше было не выходить из дома. Осталась бы цела и невредима.

Прошло почти два года с тех пор, как я распрощалась с полком специальной разведки. После гибели мужа мне не хватало выдержки и бесстрастия, без которых спецназовцу никак. Иными словами, я расклеилась, как последняя

сопля.

Дункана больше не было, и все же его присутствие ощущалось в каждой детали. В куске «грюйера», завернутого в вощеную бумагу, который так и лежал в холодильнике. В черных очках и зачитанном томике Стейнбека на тумбочке у кровати. В начатом бруске мыла на полочке возле душа.

На улице мне иногда казалось, что я слышу в толпе его голос или замечаю краешком глаза. Я видела мужа за обеденным столом на обычном месте, где он каждое утро ел хлопья. В дешевой парикмахерской у вокзала, куда он ходил подстричься и изредка побриться. Возле китайского ресторанчика, где мы по четвергам покупали ужин.

Его призрак преследовал меня повсюду, но Дункана больше не было, и, если б не его лучший друг, Джек Вулф, меня не было бы тоже.

Это он предложил мне стать внештатным консультантом, и идея показалась толковой. Аналитик-профайлер, прошедший подготовку в спецназе и оттого способный делать неоднозначные выводы, будет весьма полезен и Скотленд-Ярду, и прочим заинтересованным организациям, так Джек выразился в тот вечер.

– Убойная комбинация. Тем более что у тебя со времен службы остались в Скотленд-Ярде связи, – добавил он.

– Наверное, и правда есть смысл в том, чтобы начать все с нуля, – ответила я, задумчиво водя пальцем по краю бокала.

Я тогда днями напролет слушала ирландскую свирель и топила себя в мерло. Джек бросил мне спасательный круг.

– Вот и славно, – сказал он, поднимая бровь и выразительно на меня глядя.

Он не стал говорить, что бывшие коллеги Дункана из Скотленд-Ярда мне чем-то обязаны. Потому что это было бы неправдой. Как можно винить их в том, что с ним стало? Я не стервозная истеричка и понимаю: мне никто ничего не должен. Хотя ребята, завалив меня работой, все-таки помогли немного прийти в себя.

Пригодились и связи Джека, работавшего криминальным репортером, и то, что мне досталось в наследство от Дункана небольшое состояние: муж умело инвестировал деньги отца, шотландского лэрда-судовладельца, которого я ни разу не видела со дня похорон.

– Странно, – заметил Джек, копаясь в вазочке с шоколадными конфетами, когда я описала ему загадочное предсмертное желание католички. – «Это он сделал. Ты должна кому-то рассказать». Что бы оно значило?

– Понятия не имею. И даже не представляю, как это выяснить.

Глава 11

Проводив Джека, я легла в постель, но уснуть так и не сумела. Перед глазами носились события дня. Момент катастрофы. Погибшие, раненые. Изувеченный остов поезда...

И католичка. То, как пристально она глядела на меня, когда произносила свои последние слова:

«Это он сделал. Ты должна кому-то рассказать».

Женщина вовсе не бредила. В ее словах имелся смысл. Не нужно быть профайлером, чтобы это понять. Только как мне исполнить ее предсмертное желание, если я не знаю, о ком речь и что именно он сотворил?

Господи, я даже не знаю, кто она такая! И не представляю, с чего начать. Задача абсолютно невыполнимая. Все равно что палить вслепую. Полная хрень, короче, как выразились бы мои бывшие сослуживцы.

И все же я не могла выбросить ее из головы. Что эта женщина хотела сообщить? И как мне выяснить?

– Зибс, закрывай книгу, поспи хоть немного. Полночи прошло, – обычно говорил Дункан, поправляя повязку для сна и перекатываясь на другой бок, когда я

зачитывалась каким-нибудь интересным романом.

Руку он всегда держал под подушкой под идеально прямым углом, а тапочки ставил на строго определенном расстоянии от кровати.

Через минуту Дункан опять засыпал, а я бодрствовала до самого утра, потому что не находила решимости отложить книгу, не добравшись до развязки. Никогда не любила загадки.

Однако сегодня так легко мне не отделаться. Простой бессонницей тайну не разгадать.

– Иногда нужно смириться, – поучал меня давным-давно инструктор. – Взять паузу. Это вовсе не слабость, в этом твоя сила.

Я так и не научилась сдаваться.

Уже много недель я находилась в плену черной твари. Просыпалась по сто раз за ночь, глядя на красные цифры часов. Кое-как впихивала в рот тосты с джемом – кроме них, больше ничего не лезло, да и те рассыпались на языке пеплом. Повсюду витало ощущение летаргии, пустоты, безнадежности...

Черная бездна засасывала меня все глубже.

Приближался день рождения Дункана. И, разумеется, мне становилось хуже.

Лично я никогда не любила суету. Не любила дни рождения. В детстве мы их не отмечали – мать в них не верила, называла языческими бреднями. Дункан – он был другим. Он обожал праздники: чтобы с угощением, выпивкой, шумной компанией, чем больше, тем лучше...

Будь он жив, мы устроили бы грандиозное торжество. И оттого повисшее безмолвие казалось оглушительней вдвойне.

Организовывал все обычно Джек. Я поначалу сопротивлялась, ныла, что хочу тишины и спокойствия, но в конце концов уступала.

На том разбившемся поезде я как раз ехала к нему на ужин. «Давай сходим куда-нибудь, – предложил Джек. – Поднимем бокал за старину Дункана».

Из-за аварии, разумеется, в ресторан мы не попали. Мне не удалось провести вечер так, как было задумано, только это еще не значит, что я проиграю битву с зубастой тварью. Пусть эта хрень выползла из норы – я запихну ее обратно.

Чтобы двигаться дальше, чтобы нацепить на тварь намордник, мне надо добиться своего. Понять, о чем говорила католичка. Мой рассудок теперь напрямую зависел от того, удастся ли разгадать эту тайну или нет.

А для этого сперва надо понять, кто она такая.

Глава 12

Четыре утра. Я по-прежнему не спала. Мозг работал на полную катушку, предлагая один вариант развития событий за другим. День начался со свинцовой тяжести; теперь же я была полна сил. У меня появилась цель – но с чего начать?

Даже будь я на месте происшествия и участвуй в расследовании, еще не факт, что я чего-то добилась бы. По опыту я знала: при катастрофе подобных масштабов процесс опознания длится очень долго.

При взрыве тела часто уродует или вовсе разрывает на части. Судмедэкспертам и следователям приходится иметь дело с сильно изувеченными трупами, а порой и с мелкими их фрагментами.

Кроме того, многие пострадавшие – как я, например, – остались без личных вещей и документов. Водительские права, автобусные билеты, кредитные карты – в общем, все то, что необходимо для выяснения личности погибшего – валяется сейчас где-то под горой обломков. Не говоря уж о том, что внешность покойного может теперь сильно отличаться от снимка.

Поэтому процесс опознания растянется на неопределенное время. Однако я ждать не могла. Летаргия последних недель сменилась неугомонной жадой действия. Крушение поезда словно заставило меня очнуться. Я больше не могла сидеть на заднице.

Может, поискать мою Джейн Доу[4 - В практике правоохранительных органов Великобритании и США так обозначают неопознанное женское тело.] на «Фейсбуке»? Хотя вряд ли...

У меня нет ее фотографии. Я ни черта о ней не знаю. Идиотский план.

А может, позвонить на горячую линию? Описать ее внешность. Вдруг там что скажут?

Хотя нет, тоже не выйдет. Я не заметила у женщины никаких особых примет: ни татуировок, ни шрамов, ни родинок на лице...

Со столь скудной информацией рассчитывать на успех не приходится. Да и не факт, что я чего-то добилась бы, даже знай о ней больше.

Комиссия по опознаниям не станет объявлять имена жертв, не перепроверив сперва все факты. Эксперты, скорее всего, учли печальный опыт Испании, где недавно случилась крупная катастрофа[5 - Речь идет о терактах в Мадриде 11 марта 2004 г., когда в результате взрывов четырех пригородных электропоездов погиб 191 человек и было ранено 2050 человек.] и следователи неверно опознали каждого десятого погибшего.

А значит, что мне остается?

Я перевернулась на правый бок, затем на левый. С одной стороны ныла спина, на другой затекала нога. Как ни крутись, в любой позе неудобно.

А может, обратиться к художнику-криминалисту? Составить фоторобот... В Скотленд-Ярде наверняка найдется толковой специалист.

Я взбила подушку и легла на спину.

Да, неплохой вариант. Составлю фоторобот, опубликую в газете – вдруг ее узнают... В ответ, правда, придется купить ребятам пива, но оно того стоит.

В пылу волнения я включила ночник и пошарила в тумбочке – где-то там лежали блокнот и ручка. Затем принялась составлять список возможных примет католички, пока ее образ был свеж в памяти. Утром первым делом позвоню в Скотленд-Ярд, спрошу насчет художника.

Нащупав решение проблемы, я наконец успокоилась. Выключила свет и провалилась в глубокий сон.

Однако его оборвал звонок мобильного, затрезвонившего, казалось, через считанные минуты после того, как я уснула. Сквозь сон я не сразу сообразила, что за назойливый звук пробивается в уши.

Не очнувшись толком, взяла с тумбочки аппарат. Увидев на экране имя звонившего, мигом пришла в себя. Старший инспектор Фэлкон. В столь ранний час я могла понадобиться ему лишь по одной причине.

– Зиба Маккензи слушает, – заговорила я, откидывая с лица волосы. – Что у вас стряслось, сэр?

Глава 13

– Спасибо, Мак, что приехала так быстро, – произнес Фэлкон, не успела я переступить порог приемной НСЯ[6 - Новый Скотленд-Ярд – комплекс зданий, куда полицейское управление переехало в конце XIX в.] – так здешние ребята именовали штаб-квартиру Скотленд-Ярда.

Никто не любил аббревиатуры сильнее полиции. И не изобретал их с таким же усердием.

– По вашему голосу ясно, что дело серьезное, – ответила я.

– Ты нам сейчас очень нужна.

Последнее слово прозвучало с нажимом, невольно выдав панику, которую старший инспектор скрывал под внешним налетом спокойствия.

Я пожала ему руку и с трудом улыбнулась.

Когда я заходила в штаб-квартиру, минуя пост охраны с рамками, меня, как обычно, одолел острый приступ ностальгии. В силу привычки, наверное. «Слюнокапательный рефлекс», как выразился бы Дункан. Он любил дурацкие шуточки.

Здесь я с ним и познакомилась. Меня откомандировали в Скотленд-Ярд, чтобы составить профиль предполагаемых террористов. Операцией руководил Дункан.

– Великобритания столкнулась с реальной угрозой в лице «Аль-Каиды», ее подразделений и так называемых «одиноких волков». Кроме того, нельзя забывать про постоянную опасность со стороны Северной Ирландии...

Дункан выступал перед командой в зале круглого стола. Стоял, широко расставив ноги. Буйно жестикулировал. И умело завладевал вниманием каждого, кто находился в комнате. Голос у него был звучным, с ярким шотландским акцентом. Стоило Дункану открыть рот, как я в ту же секунду втрескалась по уши.

Меньше чем через два года я стояла на коленях возле его трупа, во лбу у него зияла черная дыра, а вдаль уезжал «Фольксваген Крафтер» без опознавательных знаков...

Я на мгновение зажмурилась и заставила себя выдохнуть. Мне предстоит работа, ни в коем случае нельзя снова проваливаться в черную бездну.

Рука у Фэлкона была твердой, кожа – мягкой и теплой, а вот пальцы – странно распухшими.

– Выглядишь так, словно на войне побывала... Что с лицом? – Он кивком указал на порез у меня на щеке.

– Вы про ссадины? Вчера получила. Была в поезде, который разбился возле «Кингс-Кросс».

– Господи!.. Прости. Я не знал... Двое наших парней тоже на нем ехали. Ужас... – Он покачал головой. – Ты точно в порядке?

– Все нормально. Хотя и видок такой, будто искупалась в собачьем дерьме.

Фэлкон рассмеялся и хлопнул меня по спине.

– Ну, учитывая, что у нас здесь творится, надеюсь, ты сама поймешь, почему я не предлагаю поехать домой и отоспаться.

– Вы до сих пор так и не сказали, в чем дело, – напомнила я, хотя у меня были кое-какие предположения.

Его скупой тон, когда он говорил со мной по телефону. Само время звонка. Моя область специализации. Не нужно быть гением, чтобы сложить в уме два и два.

– Пойдем поговорим в кабинете.

Фэлкон зашагал в сторону лифта.

Я заметила, что двигается он немного скованно. И пальцы распухли... Наверное, опять разыгралась подагра.

– Давно гоняли на трассе? – спросила я, чтобы завязать разговор.

Мне казалось, это лучше, чем интересоваться, когда он последний раз показывался врачу. Фэлкон – ярый фанат автомобилей. Ему надо не убийства расследовать, а вести передачу вроде «Топ Гир». Он даже внешне похож на Джереми Кларксона[7 - Джереми Кларксон (р. 1960) – английский телеведущий и журналист, специализирующийся на автомобильной тематике.]

Фэлкон улыбнулся во все зубы и притопнул ногой. Значит, или выиграл недавно в гонке, или обновил движок.

– В эти выходные везу старшего сына обкатывать новую машину. «Субару Импреза». Триста лошадиных сил, летит как подстреленная, и божественно при этом ревет. Жду не дождусь, когда прокачусь с ветерком!

Значит, второе.

– Ну что ж, давай поговорим?

Фэлкон придержал для меня дверь в свой маленький кабинет, откуда открывался прекрасный вид на Бродвей – одно из преимуществ занимаемой им должности.

– Садись.

Я придвинула к себе кресло.

– Итак. В чем дело?

Фэлкон подался вперед и сцепил руки, спрятав большие пальцы. Признак нехорошего волнения. Я подобралась. Что бы ни случилось, новости вряд ли будут приятными. Хотя и без того уже понятно.

Старший инспектор на секунду отвел взгляд и снова посмотрел на меня.

– Ты слышала о Лондонском Протыкателе? – спросил он.

О, так вот из-за чего переполох?

Глава 14

Я никак не думала услышать прозвище самого разыскиваемого серийного убийцы Великобритании. Хотя в общих чертах, разумеется, помнила, о ком речь.

Уже много лет я изучаю почерк серийных убийц. Я знаю, что ими движет. Что их побуждает. Знаю, что они, как и я, прекрасные психологи и профайлеры.

Разница лишь в том, что я стремлюсь отдать их под суд, а они ищут себе жертв. А вот методы работы у нас одинаковые. И они, и я ради своей цели стремимся понять, что представляет собой наша добыча.

Серийный убийца идет в охотничьи угодья – торговый центр, бар, видеоклуб, в любое место, где может найтись подходящая жертва, – и выбирает человека, который лучше всего соответствует его предпочтениям и выглядит достаточно уязвимым. Для этого он считывает язык тела. Следит за поведением жертвы, за тем, как она одета. Как разговаривает. Как взаимодействует с другими людьми. Застенчива ли или общительна, уверена ли в себе или испытывает неловкость.

Все это он распознаёт за считанные секунды.

Что до меня, то я работаю с уликами, оставленными преступником. Оцениваю выбранных им жертв, характер их увечий, степень риска, на который ему пришлось пойти...

Это прекрасно описал Гёте: «Поведение – зеркало, в котором каждый показывает свой лик». Или, иными словами, любое действие человека выдает его натуру.

Будь у профайлеров вроде меня девиз, он прозвучал бы так: «Поведение отражает личность». Хотя да, это не столь претенциозно, как надпись на той кружке, которую подарил мне Дункан.

Я помогла упрятать за решетку несколько серийных преступников, причем кое-кто из них был весьма известен. Для этого мне пришлось поработать в одной связке со Скотленд-Ярдом и ФБР. Если у Фэлкона объявился серийный маньяк, то неудивительно, что старший инспектор обратился ко мне.

Но чтобы Лондонский Протыкатель? Да, неожиданно... Он уже много лет не давал о себе знать.

– Серийный убийца восьмидесятых годов, – отчиталась я в ответ на вопрос Фэлкона. – Так и не был пойман. Однако убивать перестал. Почему – неизвестно. У всех жертв были выколоты ножом глаза. Сильно разбиты лица. После смерти отрезаны гениталии. Недостающие части тел находили в мусорных баках на ближайших свалках. Общий тип жертв и характер нанесенных увечий в трех последних случаях совпадает: гомосексуалисты примерно шестидесяти лет, седые, в очках и с бородой, убиты в парке или в общественном туалете. В эту картину не вписывается лишь Эйдан Линч. Мужчина двадцати с небольшим лет. На вид совершенно не похож на остальных. Он был изувечен в той же манере, но убили его в собственном доме, а тело пытались сжечь. Хотя с точки зрения виктимологии в этом нет ничего странного. Преступник на своей первой жертве обычно только учится. Отмечает ошибки. Оттачивает мастерство. Возможно, первая жертва оказала слишком активное сопротивление. Протыкатель решил, что с пожилыми мужчинами будет легче справиться. А еще – что проще заманить их в укромное место, чем напрашиваться в гости.

– Отлично! – Фэлкон кивнул.

Я улыбнулась. Всегда полезно произвести впечатление на начальство.

Однако старший инспектор в ответ улыбаться не спешил. Он потер глаза. Защитный жест. Еще один признак острого дискомфорта.

Я пристально посмотрела на него, считывая другие сигналы и знаки. Происходящему имелось единственное объяснение.

– Он что, снова объявился?

Глава 15

– Похоже на то, – Фэлкон медленно кивнул. – Тело нашли рано утром. Прохожий, который выгуливал собаку. Местный отдел по особо тяжким преступлениям, увидев знакомый почерк, тут же сообщил нам. Свалка находилась в переулке Кэмдена. Криминалисты считают, что там же и убили жертву.

– В Кэмдене? В восьмидесятые все тела, за исключением самого первого, находили в Сохо.

– И?.. – Фэлкон удивленно приподнял бровь.

– Почему сейчас не там?

– Хороший вопрос.

– Учитывая, что тела после смерти ни разу не переносили, вряд ли он пользуется автомобилем. Скорее всего, передвигается пешком. Однако это не объясняет, почему убийца вдруг изменил своим привычкам. В Сохо он явно чувствовал себя как дома.

– Зачем же отступать от знакомой схемы?

Я поджала губы.

– По какой-то причине ему там больше неудобно... – Замолчала, пригладив ладонью волосы. – Почему вы так уверены, что это именно Протыкатель?

– Почерк тот же. Нападает со спины. Наносит множество колотых ран, включая область глаз. Уродует лицо. Кастрирует.

– Что скажете о погибшем?

– На первый взгляд – по крайней мере, внешне – он подходит под прежнее описание. Надо будет покопаться в его биографии. Сейчас нам о нем практически ничего не известно. Гомосексуалист он или нет. Где его видели в последний раз. С кем.

Я снова задумалась. По опыту могу сказать, что для серийного убийцы крайне не характерно затаиться на двадцать пять лет, а потом взяться за старое. Может, причина в другом?

– Вы не думали, что это подражатель? – спросила я у Фэлкона.

Тот покачал головой.

– Это точно не подражатель.

– Почему вы так уверены?

– Подражатель так не сделал бы.

Я удивилась:

– Вы о чем?

Фэлкон глубоко вдохнул и выпустил воздух сквозь зубы.

– Протыкатель делал со своими жертвами кое-что еще, о чем никогда не сообщалось в прессе.

Неудивительно, что полиция утаила от журналистов некоторые детали. Довольно распространенная практика: помогает уберечься от ложных признаний.

– И что же он делал? – спросила я, припоминая самые странные привычки серийных убийц. Эдакие визитные карточки, которыми те помечают жертв, желая доминировать над ними даже в смерти.

Пивной маньяк[8 - Пивной маньяк – Равиндра Кантроле, серийный убийца из города Бомбей; по собственным признаниям убил 21 человека, преимущественно из числа бездомных. Был арестован в 2007 г.], например, оставлял возле каждого тела банку с пивом. Бостонский душитель[9 - Бостонский душитель – Альберт де Сальво, в 1960-е гг. убивший по крайней мере 13 женщин.] завязывал на шее у убитых бантики. А получивший меткое прозвище «Убийца со смайликами»[10 - Убийца со смайликами – неизвестный серийный маньяк, которому приписывают ряд убийств в США, начиная с 1997 г. Жертвами становились белые успешные мужчины, которых через несколько дней после исчезновения находили утонувшими. На данный момент дела не объединены в одну серию, некоторые случаи считаются самоубийством; существование преступника или банды преступников официально не подтверждено.] рисовал

на месте преступления улыбающуюся рожицу.

– Протыкатель выкалывал жертвам глаза и отрезал гениталии. Что еще?

Фэлкон опустил взгляд, потом снова посмотрел на меня.

– Он поливал их оливковым маслом.

Глава 16

Мальчик лежал на полу возле дивана, сдвинув красную бейсболку с Человеком-пауком на затылок. Одной рукой он подпирал подбородок, другой гонял по ковру игрушечный вертолет «Белл Джет Рейнджер» с желтой полосой вдоль фюзеляжа.

Взрослые, как всегда, обсуждали скучные темы: цены на бензин, ремонт дороги и прочую никому не интересную чушь.

Он откинул с глаз челку. Уже слишком длинная, однако, к счастью, пока никто не заметил. Раньше его стригла мама за кухонным столом, но папа сказал, что хватит, и его стали водить к Энди-парикмахеру в резиновом фартуке и с жуткими ножницами. Тот даже не стряхивал волосы, попавшие под футболку.

– Эй, кудряшка, хочешь конфетку? – спросил дедушка и протянул мальчику коробку с шоколадным драже.

– Да! – Тот вскочил.

– Что надо сказать, молодой человек? – вмешалась мама.

– Пожалуйста, – недовольно, сквозь зубы буркнул мальчик.

Дедушка подмигнул. Мальчик улыбнулся в ответ.

Он приподнял на коробке крышку. Края у нее были зазубренными. Совсем как у зубастых пастей на Хэллоуин. Конфет осталось немного, почти все съели; только в самом низу красовался последний ряд шишковатых коричневых зубов. Мальчик схватил разом несколько и запихнул в рот, пока мать не успела его осадить.

– Я все вижу, – с улыбкой предупредила та.

Отец тоже на него посмотрел, но улыбаться не стал.

– Сладкоежка какой! А теперь давай, расплачивайся за конфеты, – сказал дедушка и подставил щеку для поцелуя.

Мальчик наклонился к нему.

– Ага, попался! – закричал дедушка, схватил его и стиснул в объятиях.

Мальчик какое-то время сидел у него на коленях, ему было неудобно. Дедушка слишком жарко дышал в ухо, а борода больно колола шею.

– Кому налить чаю? – заглянула в комнату бабушка.

Глава 17

– Оливковым маслом? – удивилась я. – Но зачем?

Может, наш Протыкатель – шеф-повар или фанат здорового образа жизни? Кем бы он ни был, масло, видимо, имеет для него особое значение.

Подпись серийного убийцы – некая печать, которую он оставляет на трупах. Не ради банального самоутверждения: маньяк психологически не может поступить иначе. Без этого он просто не получит удовольствия от своих действий. Или, как говорил наш любимый Тед Банди[11 - Тед Банди – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг.], не сумеет кайфануть.

Почерк убийцы со временем меняется. Эволюционирует и его подпись. Некрофилы, например, с каждым разом наносят жертве больше увечий. Однако в целом сама форма подписи остается неизменной. Для преступника она критически важна, профайлеру же помогает понять, что творится у маньяка в голове.

Видимо, для Протыкателя оливковое масло на жертве имеет принципиальное значение. Но с какой целью он их поливает? И что это может о нем сказать?

– Не знаем. Вся надежда только на тебя, – признался Фэлкон. – Мы будем очень рады, если ты присоединишься к команде. Ты – лучший аналитик-профайлер из всех, что у нас есть, и как никто другой разбираешься в психологии серийных убийц. Ну что, ты с нами?

В голову пришла одна мысль. Я ведь совсем недавно еле-еле выбралась из глубокой бездны. Если буду участвовать в расследовании, придется опрашивать скорбящих родственников. Видеть их боль, их горе... Не скачусь ли я обратно в черную дыру? Стоит ли так рисковать?

Взгляд невольно упал на фоторамку на столе у Фэлкона. С фотографии улыбалась его жена: кудрявая брюнетка с ямочками на щеках и крохотным золотым крестиком на шее вроде того, что носила католичка из поезда.

«Это он сделал. Ты должна кому-то рассказать».

Я обещала себе, что докопаюсь до истины и выясню, в чем заключалось ее предсмертное желание. Помощи ребят из Скотленд-Ярда я не ждала, но, будучи здесь, наверняка сдвину дело с мертвой точки. Я получу доступ ко всем возможным базам данных. Не говоря уж о том, что поспособствую поимке самого прославленного серийного убийцы наших дней.

Старший инспектор, видимо, почуял мои сомнения и решил надавить.

– Дело серьезное. Оно вызовет огромный общественный резонанс. От нас наверняка будут требовать немедленных результатов. Думать некогда, в любой момент могут появиться новые жертвы. Скажи, что ты с нами, и я представлю тебя команде.

– Буду рада помочь, – с улыбкой выпалила я, пока не успела одуматься.

– Отлично. – Фэлкон пожал мне руку. – Что ж, пойдем знакомиться?

Мы вернулись к лифтам, спустились на пятый этаж и прошли в другое крыло, очутившись в большом зале, битком набитом людьми. Повсюду висели белые доски; со всех сторон трезвонили телефоны. Главный оперативный штаб.

В дальнем углу я разглядела Пэдди Динвитти – веселого ирландца, который одно время работал вместе с Дунканом, гоняя с ним на па?ру наркоторговцев и прочую шваль.

Пэдди перехватил мой взгляд, поднял руку и ухмыльнулся. Кроме него здесь были и другие ребята, служившие в свое время с Дунканом. Я улыбнулась. Хорошо, что в команде есть знакомые лица.

– Зиба, это инспектор Найджел Фингерлинг. – Фэлкон хлопнул по плечу мужчину с короткой стрижкой и тонкими губами. У того нервно дергалась щека. – Он вчера тоже был в разбившемся поезде. А еще он чемпион по sudoku и имеет черный пояс по джиу-джитсу. Найджел, это Зиба Маккензи. Ее муж был из наших. Она – первоклассный психолог-криминалист, профайлер. Помогла раскрыть несколько весьма заковыристых дел.

Фэлкон подтолкнул меня вперед, при этом покровительственно придерживая за спину.

Я спрятала улыбку. Ни к чему обращаться со мной, словно с безутешной вдовой, которая чуть что срывается в слезы. На моей прежней работе это я доводила людей до истерики.

– Рада встрече, – сказала я, протягивая Найджелу Фингерлингу руку.

Отчего-то он выглядел до ужаса знакомым. Было такое чувство, будто я где-то его встречала. Если не в коридорах Скотленд-Ярда, значит, на вокзале или в поезде... Хотя, наверное, просто разыгралось воображение. Мне ведь сказали, что вчера мы были в одном месте. Сила внушения и все такое.

Фингерлинг вяло пожал мне руку, а сам полез в карман за мобильником. Тот зажужжал уже в третий раз с тех пор, как мы вошли в помещение.

Он посмотрел на экран, и на лбу у него залегла глубокая складка. Признак разочарования. Видимо, новости не очень. Он быстро заморгал и поправил галстук. Фингерлинг единственный из собравшихся носил этот предмет одежды, притом завязывал его под самое горло.

– Ладно, дальше знакомьтесь сами, – объявил старший инспектор, пригладил торчащий бочкой живот и захромал к выходу.

Да, у него однозначно разыгралась подагра.

Не дойдя до дверей, Фэлкон вдруг остановился.

– Мак, нам надо разобраться с этим делом как можно скорее. Не хватало еще паники среди граждан, когда те узнают, что по улицам разгуливает серийный маньяк. Пусть люди верят, что мы держим ситуацию под контролем. И что вот-вот его поймает. Буквально в считанные дни.

– Принято к исполнению.

Он шутливо отсалютовал мне и вышел из комнаты.

– Итак, значит, вы профайлер? – с усмешкой спросил Найджел Фингерлинг, поправляя причудливую авторучку, торчащую из нагрудного кармана; по рубашке расплывалось чернильное пятно. – Что ж, проверим. О чем я сейчас думаю?

Он посмотрел мне в глаза, потом его взгляд невольно скользнул ниже, на грудь. Я скрестила руки и отступила на шаг.

– Воспитание не позволяет мне отвечать на подобные вопросы. Но если в двух словах, то о том, чему никогда не бывать.

Наверное, стоило бы сопроводить свою реплику улыбкой, однако я не смогла.

– А «профайлинг» не слишком ли громкое слово для всяческих догадок и предположений? Уж простите, миссис Маккензи, но я не верю, будто вы сумеете сделать хоть какой-нибудь мало-мальски значимый вывод, основываясь на этих ваших... как их называют? «Невербальных символах»? Нет, боюсь, для меня это чересчур сложно.

Щеки вспыхнули, и отнюдь не от смущения. Я стиснула кулаки, подбоченилась, отошла еще на шаг и окинула собеседника взглядом.

– Вы носите облегающие рубашки, чтобы подчеркнуть мускулатуру, и наверняка тесные плавки – похвалиться достоинством. Однако беда в том, что ваши представления о моде, как и отношение к женщинам, устарели лет на десять. И то, и другое объясняет, почему вас бросили. На руке у вас татуировка, но часть букв удалена – судя по рубцам, совсем недавно. Видимо, имя вашей бывшей девушки. Вы каждый вечер тренируетесь в спортзале, потому что в школе вас нещадно травили. Вы были очень тощим; теперь нарастили мышцы, но тонкие запястья вас выдают. Ваш «Таг Хойер»[12 - «Таг Хойер» – бренд дорогих швейцарских часов.] – подделка. Зеленый циферблат потускнел, а на ремешке пятна ржавчины. Но для вас дорогие брендовые часы – это часть статуса. Как и галстук, запонки и отутюженная рубашка – они выдают, как важно для вас поддерживать видимость успешного человека. Вопрос лишь в том, почему вы так стремитесь кому-то что-то доказывать. Возможно, это подскажут ваши руки? Кожа на ладонях потрескалась, пальцы в заусенцах... Морозов сейчас нет – значит, либо у вас запущенная форма экземы, либо вы слишком часто моете руки. И то, и другое – симптомы затяжного стресса. Видимо, у вас есть какой-то секрет, которого вы стыдитесь. И вы боитесь, что коллеги его узнают. Так в чем дело, детектив? У вас что, в столе тайник с порнографией? Или ношенные трусики в кармане? А может, что похуже?..

Все смотрели на нас и покатывались со смеху – за исключением Найджела Фингерлинга. Тот стоял красный как рак.

Только что он сомневался в моей профпригодности. Теперь же попросту меня ненавидел.

Все выходные я копалась в бумагах, составляя психологический портрет.

Посмотрела досье по старым убийствам и сопоставила их с последним случаем, выискивая хоть одну подсказку к личности человека, с которым мы имеем дело. Если пойму, кто он такой, – сможем схватить его и спасти немало жизней.

Я перечитала все отчеты о вскрытии, протоколы допроса свидетелей, полицейские рапорты, пытаюсь найти хоть малейшую зацепку, объясняющую фишку с оливковым маслом. Однако не сдвинулась с мертвой точки ни на шаг.

Наконец я разочарованно отложила бумаги, решив зайти с другой стороны и собрать информацию о последней жертве.

– У меня есть кому заниматься допросами! – заявил Фингерлинг. – Вам нечего лезть не в свое дело. Потом прочтете все в протоколе.

– Работать со свидетелями вживую гораздо проще, – настаивала я. – Важно не только что говорят люди, но и как они при этом себя ведут.

Он демонстративно возвел к потолку глаза.

– Ладно. Вы все равно не угомонитесь. Только берите с собой Уильямса.

– Мне привычнее работать одной.

Я не стала добавлять, что вытяну из собеседников гораздо больше, если рядом не будет ошиваться сержант с каменной рожей. В присутствии полиции люди всегда становятся более замкнутыми, даже если им нечего скрывать.

– Что, Маккензи, не командный вы игрок?

«Да, если начальник – такой ублюдок», – подумала я, сладко улыбнувшись.

Все свидетели, с которыми мне удалось встретиться, говорили одно. Помимо обычной болтовни о том, каким замечательным и добрым человеком был погибший, они упоминали его нетрадиционную ориентацию и тот факт, что на

момент гибели он не имел постоянного партнера.

Как выяснилось, тот иногда зависал в гей-барах и снимал на ночь парней. В вечер смерти ходил в «Кинг Уильямс», весьма известный в Кэмдене гей-клуб, где якобы, по словам очевидцев, разговаривал с неким мужчиной. Правда, описать внешность незнакомца никто толком не сумел, что, впрочем, было объяснимо. В баре нарочно приглушали свет, а все свидетели перепились до отключки. Бедный прокурор – как ему потом отдуваться в зале суда?..

– И почему только, где бы мы ни работали, нигде нет нормального видеонаблюдения? – возмущался Фингерлинг на одной из планерок, на которых мы делились друг с другом собранной информацией.

Он запросил записи с места преступления в надежде, что хоть на одну из пленок попадет мужчина, который выходил из клуба вместе с жертвой. Запрос ничего не дал. Впрочем, это изначально была безнадежная идея. У таких снимков слишком мерзкое качество, чтобы по ним можно было кого-то опознать.

– Наша жертва относилась к группе высокого риска, – отчиталась я на очередной планерке – они проходили у нас каждый день, в восемь утра и в шесть вечера. – Судя по отчету патологоанатома, покойный был крайне неразборчив в половых связях, кроме того, в ночь убийства находился в состоянии сильного опьянения. Он был легкой добычей для любого преступника и под воздействием алкоголя не сумел бы оказать сопротивления. Не берусь утверждать наверняка, но убийца мог подойти к жертве в баре. Возможно, именно с ним и разговаривал погибший. В таком случае нам необходимо тщательно проработать свидетелей. Надо составить фоторобот, вдруг по нему удастся найти подозреваемого. Если убийца и впрямь познакомился с погибшим именно в клубе, это многое о нем говорит. Значит, у него развит интеллект и имеются все необходимые социальные навыки, чтобы придумать правдоподобную уловку и заманить жертву в укромное место. Однако главный вопрос надо поставить иначе. Почему преступник намечает жертв среди геев? Потому что так проще? Их есть чем завлечь? Или он изначально выбирает их из-за нетрадиционной ориентации? Может, в этом ключевой мотив? И если так, то почему?

– Разве не вы должны нам это сказать? – фыркнул Найджел Фингерлинг.

Кажется, он меня так и не простил.

– Да, разумеется. – Я постаралась сохранить лицо. Не хватало еще, чтобы этот прыщавый засранец решил, будто меня легко вывести из себя. – Я планирую выполнить реконструкцию убийства с точки зрения преступника и жертвы. Постараюсь выступить с докладом уже завтра.

Думала, Фингерлинг обрадуется, но нет. Он оказался чересчур злопамятен.

– Надо собрать пресс-конференцию, – добавила я. – Мы слишком долго держим журналистов в неведении. Без их помощи нам не обойтись.

После выступления я уже собиралась домой, когда пришло сообщение от Джека.

«Проверь почту».

Я открыла ящик.

«Может, тебе будет интересно. Вулфи».

Я кликнула по ссылке, скачивая прикрепленный к письму файл.

– Ура!

Прочитав заголовок документа, я победно стукнула кулаком по раскрытой ладони. Уже что-то!

Джек переслал ссылку на сайт Би-би-си. Там разместили список погибших в железнодорожной катастрофе. Напротив каждого имени была фотография. В середине страницы висел снимок женщины с золотым крестиком на шее. Моя Джейн Доу.

Увидев имя, я сперва не поверила глазам. Быть не может, чтобы такое совпадение!..

Женщину звали Тереза Линч. А первую жертву Протыкателя – Эйдан Линч.

Глава 19

И нет, это было не совпадение. Я сверилась со списком избирателей[13 - Список избирателей в Великобритании – база, содержащая открытые сведения обо всех избирателях региона, в первую очередь их имена и адреса. Доступ к информации могут получить все зарегистрированные пользователи. Используется как аналог телефонного справочника.] и подтвердила свои подозрения. Тереза Линч оказалась матерью Эйдана. Значит, у меня появился отличный повод позвонить ее мужу Маркусу и договориться о встрече.

Прежние убийства нас интересовали мало; впрочем, Маркусу Линчу об этом знать необязательно. Так что уже через час после шокирующего открытия я стояла на крыльце его дома на Инвернесс-стрит, в Кэмдене, на севере Лондона. Именно здесь двадцать пять лет назад нашли тело Эйдана.

– Спасибо, что согласились меня принять, – сказала я, когда Маркус протянул мне кружку «Нескафе».

На поверхности напитка дохлыми мухами плавали нерастаявшие гранулы.

Маркус сидел в пестром кресле у камина – маленькой газовой конструкции с кусочками цветного стекла, имитировавшего раскаленные угли.

– Нас уже давно не спрашивали о том, что случилось с Эйданом. – Он не без любопытства посмотрел на меня поверх кружки.

Я отметила это «нас». Маркус не скоро привыкнет, что говорить теперь надо в единственном числе. Я вот до сих пор не привыкла, хотя Дункан умер почти два года назад.

Под глазами у Маркуса залегли глубокие тени, веки набрякли и отекали. Ужасно, что приходится тревожить его в такой час, но я обязана выяснить, о чем Тереза пыталась мне рассказать.

– Так странно, что вы были с ней в последние минуты, да? А теперь ищите подонка, который убил нашего сына...

– Да, такое вот совпадение. – Я притворилась, будто пью кофе.

– Я сразу почуял неладное, когда Тереза тем вечером не вернулась домой. Просто понял, и всё. Нутром, наверное. – Замолчав, он закрыл лицо ладонью. – Простите. Я думал, будет проще. Думал, что смогу об этом говорить.

– Все хорошо. Не торопитесь. Я тоже не так давно потеряла мужа. И прекрасно знаю, что вы сейчас чувствуете.

Я искренне сопереживала Маркусу, да и в любом случае надо показать, что я на его стороне. Это позволит нам наладить контакт.

Глубоко вздохнув и закусив верхнюю губу, он кивнул. Маркус был из тех, кто не любит показывать свои чувства.

– Извините, – сказал он дрожащим голосом и поправил ворот красного свитера. – Просто все так... быстро, я еще не освоился.

Он снова вздохнул и продолжил рассказ.

– Я ведь знал, что она будет в том поезде. Тереза всегда на нем ездила. Я обошел все больницы, пытаюсь узнать, куда ее отвезли. Дома во всех комнатах включил телевизор – вдруг что скажут... Но – ничего, молчок. Только вчера сообщили. И знаете, как-то легче стало, наверное. Не потому что она погибла, конечно. Просто я наконец выяснил, что с ней произошло.

Он поднял на меня глаза, полные слез.

– Хорошо, что в тот момент с ней кто-то был. Что она осталась не одна.

– Она была не одна. И не мучилась.

Насчет последнего, правда, я не была уверена; впрочем, лучше этого не говорить. И вообще хорошо бы сменить тему. Если узнаю о Терезе побольше, то смогу составить ее психологический портрет и, возможно, выясню, что она пыталась мне сообщить. А потом уже перейдем к Эйдану. Поймешь жертву – поймешь убийцу.

– Давайте сперва поговорим о Терезе, а затем об Эйдане. Может, на ваш взгляд, это немного странно, но так у нас работает виктимология.

Я несла полную чушь. Маркус, естественно, этого не знал.

Он пожал плечами.

– Как скажете.

Задавая вопросы, я отмечала не только что говорит Маркус Линч, но и как он это делает. Жесты, мимику, прочие невербальные знаки. Если уметь их считывать, они выдают, что человек чувствует на самом деле.

Сначала я задавала общие вопросы о том, какой была Тереза, потом перешла к более конкретным, которые помогли бы выяснить, что именно означали ее предсмертные слова.

– Ваша жена заводила недавно новые знакомства или, может, выдумывала какие-нибудь предлоги, чтобы встречаться с друзьями без вас?

Маркус покачал головой, немного стиснув при этом зубы – симптом, выдающий эмоциональное напряжение.

– Точно?

– Абсолютно. – Он поджал губы. – Я всегда спрашиваю свою жену, куда она идет и с кем встречается.

В том, что он говорил о ней в настоящем времени, не было ничего странного – я тоже частенько забывалась. Удивляло другое – то, как он сжимал кулаки. И сам факт того, что он требовал у жены отчета. Все вместе это свидетельствовало о

жестком контроле с его стороны.

– Ваша супруга была верующей?

Маркус рассмеялся, но как-то глухо.

– Тереза была убежденной католичкой. Я-то сам к религии равнодушен, а вот она каждое воскресенье ходила на мессы и молилась перед сном с тех самых пор, как забеременела.

Первая часть фразы прозвучала с немалым оттенком презрения, однако стоило Маркусу заговорить про беременность, как голос его изменился. Я, может быть, и не обратила бы внимания, но он вдобавок в этот момент прищурился.

Когда человек щурится, это происходит бессознательно – чтобы не видеть неприятных ему образов. Мимическое движение длится не более одной восьмой доли секунды и, как правило, выражает исключительно негативные эмоции – например, злость или раздражение.

Выходит, Маркусу крайне неприятен тот факт, что супруга выносила ему сына?

Странно...

– А политикой она не увлекалась?

Маркус рассмеялся и качнул головой, снова расслабившись оттого, что сменили тему.

– Нет, она была ревностной патриоткой, как и я. Мы оба помнили, что творилось в стране в шестидесятые, в пору лейбористов.

– Может, у нее были какие-то другие заботы? Например, финансовые проблемы...

– Нет.

Маркус набычился, словно мой вопрос показался ему оскорбительным. Я поспешила сменить тему.

– Вы упоминали, что она работала...

– Да. Администратором в одной из строительных компаний в центре города.

– Как складывались ее отношения с коллегами?

– Ладили неплохо, хотя за пределами работы никогда не общались. Мы оба по натуре домоседы.

Интересно, это он так решил? Я задумалась, оглядывая комнату. Не только поведение выдает наш характер, но и обстановка в доме.

На книжной полке стояла Библия в кожаном переплете; видимо, недешевая. Ценное приобретение. Рядом примостилась фигурка Девы Марии, в рамке на стене висела фотография папы римского. Все указывало на то, что Маркус не врал, и Тереза была крайне набожна.

Обеденный стол у дальней стены рассчитан на шестерых, но стульев стояло всего два. Там же висело несколько картин – в основном гравюры с пейзажами. Леса. Поля с маками. Ни единой человеческой фигуры.

«Домоседы» – так, кажется, он сказал? Но почему? Почему Маркус не любит компанию? Отчего он сторонится людей?

Взгляд упал на каминную полку. Там стояли две фоторамки. Старый свадебный снимок в потускневшей серебряной оправе и студийная фотография ребенка в школьной форме. Ее почти не было видно за фарфоровой статуэткой кошки. Я встала, чтобы разглядеть снимок поближе.

– Можно? – указала на свадебное фото.

Маркус пожал плечами.

– Разумеется.

– Тереза была очень красивая.

– Да, она такая. – Он стиснул зубы.

Странно – я только что сделала его жене комплимент. Это должно было польстить ему, а не разозлить.

– А это кто? – Я указала на других участников свадебного торжества.

Маркус подошел, снял очки, чтобы протереть линзы краем свитера, снова водрузил их на нос и пригляделся.

– Мои родители. Погибли во Франции, разбились на машине. Это родители Терезы. Мать тоже умерла. От рака. Отец в доме престарелых. Жил с нами какое-то время после смерти жены. А вот сестра Терезы. Живет в Бате.

– А это, наверное, Эйдан, да? – Я вытащила вторую рамку из-за ее укрытия.

Маркус заметно ощерился.

– Да, – буркнул он, не глядя мне в глаза.

Любопытная реакция. И почему от сына осталась только одна фотография?..

Ребенок весело ухмылялся в объектив камеры. Он совершенно не был похож на отца. Симпатичный, явно общительный. В одном глазу виднелась странная отметина – словно зрачок растекся по радужке.

Я повернулась к Маркусу. Тот нервно переминался с ноги на ногу, заметно испытывая неловкость. Не хотел, чтобы я держала в руках фотографию его сына. С чего бы?

Он покосился на часы. Намекал, что пора бы мне поторопиться.

Пристально на него глянув, я произнесла:

– Ваша жена перед смертью кое-что сказала. Изъявила последнюю волю. «Это он сделал. Ты должна кому-то рассказать». Вы, случайно, не знаете, о ком шла речь? Что она имела в виду?

Маркус вспыхнул. Веко у него забило в нервном тике.

– Не имею ни малейшего представления! Слушайте, давайте на этом закончим? Я правда очень устал.

– Но мы еще не поговорили про Эйдана...

– Я же сказал – я очень устал. Хотелось бы прилечь и отдохнуть.

Через минуту я, сама не поняв, как так вышло, стояла на крыльце, а он запирает за мною замки.

Увы, мне не удалось ничего выяснить. Кроме одного факта: у Маркуса Линча последние слова жены удивления не вызвали. И вообще, он вел себя странно. Может, именно о нем и говорила Тереза?..

Глава 20

Я отщипнула вилкой кусочек морского окуня и погрузила его в лужицу бальзамического соуса и горохового пюре, художественно размазанную по тарелке. Сразу после беседы с Маркусом Линчем я поехала к Джеку.

Мы сидели в «Лимонном дереве». Прежде частенько заходили сюда вдвоем.

Ресторан выбрал Вулфи.

– А то мы так и не отпраздновали день рождения старины Дункана, – заявил он по телефону.

Теперь, по здравом размышлении, стало понятно, что место выбрано неудачно. Я впервые приехала сюда без мужа. Живот поджимало от боли и глухой тоски. Прошое накладывалось на настоящее. Дункана больше не было – и все же его присутствие ощущалось повсюду.

– Вот, смотри, что я нашел. Ту самую книгу, которую ты давно хотела прочитать.

– Ты чудо, Вулфи! Спасибо.

– Все равно заезжал в «Фойлз»[14 - «Фойлз» – британская книготорговая компания. Магазин в центре Лондона официально занесен в Книгу рекордов Гиннеса как рекордсмен по протяженности торговых полок – около 50 километров.]. Делов-то.

Я отпила вина. Джек тоже поднял бокал и сделал пару глотков. Перехватив его взгляд, я улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, чуть раздув ноздри. Бокалы мы опустили одновременно.

– Ты подстриглась, – сказал Джек, наклоняясь ближе. – Тебе идет.

– Просто кончики подровняла. Странно, что ты заметил.

Я обвела ресторан взглядом.

Мое внимание привлек хорошо одетый мужчина средних лет в разноцветных носках. Он то и дело приглаживал волосы и косился на часы. Заметно нервничал. Одевался в спешке, но озабочен тем, как он выглядит. Значит, ждет девушку и боится, чтобы его не кинули. Первое свидание; возможно, даже вслепую. Если б он знал свою спутницу чуть лучше, то не волновался бы так сильно.

В двери ресторана торопливо заскочила женщина – покрасневшая и вытирающая руки о бока. Переживает, что опоздала на встречу. Метрдотель помог ей снять пальто и проводил до столика мужчины в цветных носках. Тот встал и протянул ей руку в тот самый момент, когда она наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку.

О да, свидание вслепую! Руки пожимают лишь при первой встрече. Кажется, оба хотят произвести хорошее впечатление.

Мне вдруг стало не по себе. Свечи, пианист в углу... После смерти Дункана мы с Джеком не раз ходили по ресторанам. В этом заведении все было иначе. Обстановка выглядела слишком романтической. Хотя о романтике между нами не шло и речи...

* * *

Самый романтический момент в моей жизни случился в кабинете без окон, где не работал обогреватель и где я безвылазно проторчала тридцать шесть часов подряд.

– Зиба, можно тебя на пару слов? – спросил Дункан, когда кабинет опустел.

Он говорил мягко, но вид у него был строгий, бесстрастный. Наверное, примется меня отчитывать. А мне даже сказать в свою защиту будет нечего – ведь я и впрямь вела себя очень некрасиво, хотя в итоге нам удалось добиться неплохих результатов.

– Детективы, с которыми я проработал много лет, сегодня допустили ошибку, – заговорил он, пристально глядя мне в глаза. – Но ты сохранила голову на плечах и стояла на своем, хотя все остальные были настроены против тебя. Ты заставила нас включить мозги. Наш успех – целиком и полностью твоя заслуга.

Я улыбнулась.

– Тебе плевать, что о тебе думают другие, – продолжил Дункан. – И это замечательно. Кто-то скажет, это недостаток, но я так не считаю. Ты очень сильная. И очень упрямая. Поэтому ты такая, какая есть.

– Не думаю, что это хорошее качество.

– Ты ошибаешься...

Тем вечером Дункан впервые меня поцеловал.

* * *

– Эй, Мак, что такое? – спросил Джек, склоняя набок голову.

– Так, пустяки.

– Я слишком давно тебя знаю. Когда ты говоришь «пустяки», значит, дело дрянь.

Я выразительно вскинула бровь.

– Может, тебе тоже стоит попробовать себя в профайлинге?

– Не увиливай. В чем дело? – настаивал тот.

Я вздохнула.

– Просто странно быть здесь без Дункана. Я скучаю по нему, Джек...

Тот на миг опустил голову.

– Я тоже по нему скучаю. Дункан годился мне в отцы, но был скорее как брат. Я любил его как родного.

– Аналогично. Хотя у нас любовь была отнюдь не «братской». – Я фыркнула.

– Вот так-то лучше. – Джек, хмыкнув, щедро мазнул свой стейк горчицей. – Смех тебя красит. Постарайся улыбаться чаще.

Он вдруг замолчал и ущипнул себя за переносицу. Очень характерный для него жест. Джек хочет сказать нечто такое, что может меня смутить.

– Как ты вообще? – заговорил он негромко. – У меня подозрение, что ты еле держишься. Я за тебя переживаю. Ты как?

Я хотела навешать ему лапши, только Джек опять раскусил бы меня в два счета. Он всегда чуял, когда я притворяюсь, а значит, с ним я могла оставаться собой – во всех лучших и худших своих проявлениях.

Правда в том, что хоть я и специализируюсь в области психологии, но людей понимаю не очень хорошо. Я знаю, что ими движет, но не вижу в их поступках смысла. А вот с Джеком по-другому. Я понимала его, а он понимал меня. Возможно, потому что оба мы тосковали по Дункану. А может, мы просто родственные души... В общем, с ним я могла быть честной. Иногда даже слишком.

– Все нормально. Сперва трясло, теперь я взяла себя в руки.

– Надо было рассказать мне. – Голос у Джека заметно потяжелел.

– Давай сменим тему. В жизни не догадаешься, что я узнала!

– Эммелин на самом деле убийца из МИ-пять, а в Британском музее работает лишь ради прикрытия?

– Нет, моя замечательная мама ни при чем. Помнишь, ты сбрасывал мне ссылку? Так вот, по ней я нашла женщину из поезда. Ее зовут Тереза Линч. Час назад я говорила с ее мужем.

– Отлично, Шерлок! Что удалось выяснить?

– Пока еще не знаю... Стоило упомянуть про ее предсмертную волю, как меня чуть ли не силком выставили за порог. Пожалуй, надо к нему приглядеться...

– Да уж, конечно!

Джек не издевался, в нем и правда проснулся азарт.

– Но и это еще не всё. Слушай дальше: ее сын Эйдан был первой жертвой Лондонского Протыкателя!

– Охренеть! Ты серьезно? С ума сойти... Нам в редакцию час назад сообщили, что этот тип опять взялся за старое после стольких лет... Аж мурашки по коже.

– Не то слово. Хотя, согласишься, прозвище ему дали отвратительное. Что вы, журналюги, порой только не придумаете...

– Поверить не могу в такое совпадение! Мать и сын погибли с разницей ровно в двадцать пять лет при самых трагических обстоятельствах... Из этого выйдет отличная статья. Аудитория будет в восторге!

Джек принялся болтать без устали, предлагая различные версии заголовков. Я его не слушала, пытаюсь сосредоточиться на своем. В голове крутились последние слова Терезы Линч. То, как настойчиво она хватала меня за руку и буквально выдавливала из себя фразы:

«Это он сделал. Ты должна кому-то рассказать».

Вдруг она говорила про убийцу своего сына?

И если так, то, может, она знала, кто такой Лондонский Протыкатель?

Глава 21

Джек подвинул ко мне тарелку с жареным картофелем.

– Вот, попробуй. Зуб даю, лучшая картошка во всем Лондоне.

– Ты всегда так говоришь, – хмыкнула я, беря пару ломтиков.

Лучшую в мире картошку готовил Дункан.

– Вся хитрость в том, чтобы протомить ее хорошенько. Тогда корочка будет хрустящая – просто очуметь, – заявлял он.

Настоящая домашняя картошка – так это называл Дункан. Мы ели ее прямиком со сковородки, стоя у плиты и дуя на пальцы. Он посыпал свою половину солью с малым количеством натрия, а я поливала салатной заправкой.

Официант убрал пустые тарелки, и мы заказали горячие напитки. Их принесли через пару минут: ристретто для меня, освежающий мятный чай для Джека.

– Не понимаю, как можно пить кофе на ночь. – Вулф покрутил чашку, взбалтывая на дне чайники. – Я потом точно не усну. Хотя все равно почти не сплю, так что какая разница...

Я улыбнулась. Джек часто жаловался на бессонницу. Впрочем, причина была проста – он слишком увлекался компьютерными играми.

– У Дункана тоже имелся пунктик насчет кофеина, – сказала я. – Помнишь, он после обеда даже к шоколаду не притрагивался? Клялся, что иначе потом не уснет...

Я замолчала, вертя в пальцах чашку. Воспоминания сегодня захлестывали с головой...

* * *

– О, шоколадки на подушке! – воскликнула я, стоило нам зайти в номер. – Вот, лови!

Я кинула одну из них Дункану.

– Не буду. Иначе потом глаз до самого утра не сомкну.

– Мне же больше достанется, старина.

– Ты кого тут старым назвала?!

Дункан повалил меня на кровать и шутливо придавил к матрасу. Уложил на спину, завел руки за голову и накрыл губы поцелуем. Я обхватила его ногами,

притягивая ближе...

К утру все простыни были измазаны растаявшим шоколадом.

* * *

«Да пошло оно к черту!», – подумала я, прихлебывая кофе. Кошки ведь гуляют сами по себе, и ничего. Может, и мне хватит в каждой тени видеть мужа?

– Я все думаю о том, что сказала Тереза Линч.

Я нарочно перевела тему, чтобы подвести разговор к просьбе, которой собиралась огорошить Джека.

Как журналист из «Телеграф», он имел доступ к таким уникальным каналам связи, что мои прежние коллеги сдохли бы от зависти.

– Что, если это как-то связано с убийством Эйдана?

– Может, так оно и есть.

– Было бы здорово узнать о нем побольше... Беда в том, что из Маркуса ничего не вытянуть. А инспектор вряд ли позволит мне заниматься старыми делами, потому что на нас давят и требуют как можно быстрее арестовать убийцу... Ты не мог бы поискать информацию вместо меня?

Джек протяжно вздохнул. Нехороший знак.

– Только не пойми меня превратно, ладно? Но тебе не кажется, что ты слишком заиклилась на этой своей Линч? На тебя последнее время столько всего навалилось, еще и эти убийства вдобавок... Может, лучше сдаться? Согласись, ведь есть шанс, что она не имела в виду ничего особенного. Люди, перед тем как сыграть в ящик, и не такую чушь несут.

– Мне надо во всем разобраться. Я обещала ей, Вулфи.

Не совсем так, однако я чувствовала себя обязанной.

Тот вздохнул.

– Ладно... Посмотрим, что сумею нарыть.

– Ты – чудо!

– Но не питай зря иллюзий. Эйдан Линч умер двадцать пять лет назад. Вряд ли я найду что полезное.

Я вскинула руки, якобы капитулируя.

– Обещаю. Так что там с чокнутой Мэйси? – Я снова решила перевести разговор на другую тему. – Она все еще за тобой гоняется?

Джек закрыл глаза, еще раз вздохнул и закивал.

– Звонит по тысяче раз за день, а стоит взять трубку – тут же сбрасывает вызов... Она шизанутая! – Он выразительно покрутил пальцем у виска.

– Ну, меня она всегда терпеть не могла, так что точно больная. – Я фыркнула. – Хотя ты заметил – я всем твоим подружкам почему-то не нравлюсь.

Мимо проходил официант, и Джек махнул ему рукой.

– Можно нам счет?

Только потом я сообразила, что он ловко уклонился от ответа.

Мальчик пил чай у бабушки с дедушкой. Бабушка испекла оладьи со взбитыми сливками и клубникой, а еще у них были сладкие булочки и зефир.

Теперь он сидел за столом и рисовал. Высунув от усердия язык, старательно выводил лопасти большого винта. Когда-нибудь и у него будет свой вертолет. Он тоже станет пилотом.

Подошел дедушка, взял его за плечи.

– У тебя здорово получается. – Он поцеловал мальчика в макушку и затушил сигарету в кривой стеклянной пепельнице. – Можешь на секундочку прерваться? У меня кое-что для тебя есть.

Дедушкин голос влажным шепотом отзывался в ухе. Мальчик отложил карандаш, взял дедушку за руку, и они прошли в спальню.

– Закрой дверь, – велел тот.

– Что там у тебя? – нетерпеливо спросил мальчик, переминаясь с ноги на ногу.

Он очень любил подарки, а вот к сюрпризам относился с опаской.

Дедушка встал на колени и вытащил что-то из тумбочки возле кровати.

Мальчик присел рядом на корточки.

– Что там? – снова спросил он.

– Ну-ка, посмотри мне в глаза. Ты умеешь хранить секреты?

Мальчик закивал.

– Точно умеешь?

– Жизнью клянусь!

Дедушка улыбнулся и показал красный коробок спичек. На картинке была изображена большая черная лодка под парусами. Сверху подписано «корабль» и какое-то еще длинное слово, которого мальчик прочитать не сумел.

– Это мне?

– Давай подождем одну? – предложил дедушка.

Мальчик знал, что с огнем играть нельзя, но раз дедушка говорит, тогда, наверное, можно...

Он закусил нижнюю губу.

– Вот, давай покажу, как это делается.

Дедушка чиркнул спичкой. Раздалось шипение, и на кончике расцвел огонек.

– Только никому не говори, ясно? – предупредил тот. – Не хочу, чтобы тебя ругали.

Мальчик снова кивнул. Сердце у него судорожно стучало. В комнате пахло дымом.

Глава 23

Дома я свернулась калачиком на диване с ноутбуком на коленях и принялась искать в Сети информацию про патологии глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Джильярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. – Здесь и далее прим. пер.

2

1Фес. 5:18.

3

«Гулистан», «Розовый сад» – поэма персидского поэта Саади Ширазского, написанная в 1258 г. на фарси, в которой раскрываются различные аспекты житейской мудрости.

4

В практике правоохранительных органов Великобритании и США так обозначают неопознанное женское тело.

5

Речь идет о терактах в Мадриде 11 марта 2004 г., когда в результате взрывов четырех пригородных электропоездов погиб 191 человек и было ранено 2050 человек.

6

Новый Скотленд-Ярд – комплекс зданий, куда полицейское управление переехало в конце XIX в.

7

Джереми Кларксон (р. 1960) – английский телеведущий и журналист, специализирующийся на автомобильной тематике.

8

Пивной маньяк – Равиндра Кантроле, серийный убийца из города Бомбей; по собственным признаниям убил 21 человека, преимущественно из числа бездомных. Был арестован в 2007 г.

9

Бостонский душитель – Альберт де Сальво, в 1960-е гг. убивший по крайней мере 13 женщин.

10

Убийца со смайликами – неизвестный серийный маньяк, которому приписывают ряд убийств в США, начиная с 1997 г. Жертвами становились белые успешные мужчины, которых через несколько дней после исчезновения находили утонувшими. На данный момент дела не объединены в одну серию, некоторые случаи считаются самоубийством; существование преступника или банды преступников официально не подтверждено.

11

Тед Банди – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг.

12

«Таг Хойер» – бренд дорогих швейцарских часов.

13

Список избирателей в Великобритании – база, содержащая открытые сведения обо всех избирателях региона, в первую очередь их имена и адреса. Доступ к информации могут получить все зарегистрированные пользователи. Используется как аналог телефонного справочника.

14

«Фойлз» – британская книготорговая компания. Магазин в центре Лондона официально занесен в Книгу рекордов Гиннеса как рекордсмен по протяженности торговых полок – около 50 километров.

Купить: https://telnovel.com/selman_viktoriya/granicy-bezumiya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)